

попаданец

Игорь Валериев

ЕРМАК

ВОЙНА

Игорь Валериев
Ермак. Война
Серия «Ермак», книга 7
Серия «Попаданец (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67030624
Ермак. Война : роман / Игорь Валериев: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-146084-6

Аннотация

Тимофей Васильевич Аленин прошел нелегкий путь от казачонка-пастуха до подполковника Генерального штаба и начальника Аналитического центра при российском императоре. Новой службой были предотвращены несколько покушений на императора и членов его семьи, разгромлены и уничтожены заговорщики, пытавшиеся совершить новый гвардейский переворот. В морском ведомстве Российской империи появилось подразделение боевых пловцов, которые уже успели отметиться в противостоянии России и Англии, утопив два британских эскадренных броненосца.

Война с Японией, а возможно и Англией, неизбежна, и перед Алениным-Зейским императором поставлена очень трудная для исполнения задача...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	21
Глава 2	44
Глава 3	65
Глава 4	88
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Игорь Валериев

Ермак. Война

Посвящается моему отцу Валерию Ивановичу и любимой жене Людмиле за их поддержку и помощь.

Автор искренне благодарит всех участников литературных форумов «В Вихре Времен» и «Автор-Тудей», чья критика, замечания и советы позволили улучшить данную книгу, особенно: Акимова Сергея Викторовича, Мармонтова Игоря Георгиевича, Черепнёва Игоря Аркадьевича, Шарапова Евгения Ивановича.

Пролог

Я сидел с удочкой на берегу небольшого затона Амура и медитировал на поплавок из гусиного пера. Над рекой стелился туман, разгоняемый первыми проблесками зари. Вышел на рыбалку еще ночью. Была первая декада июля, и на реке вовсю шел нерест белого амура и леща. Вот и захотелось мне попробовать поймать хитрого и пугливого амурчика, который лучше всего ловился в ночное время.

Но пока не везло. Уже показался край солнечного диска, весь прикорм отправлен в воду, а жирный амур так и не клюнул, несмотря на суперрецепты наживки деда Афанасия: лист и стебель одуванчика или молодой горох. На другую удочку удалось взять трех лещей, один из которых был около двух килограммов. И все они были икрянными.

«Эх, сейчас бы мою матчевую удочку или фидер из прошлого-будущего, может быть, и удалось бы амурчика взять, – я с сожалением вздохнул, посмотрев на удилище из лещины. – Когда еще получится на Амуре порыбачить?!»

По прошлому-будущему – это не шиза. Через пару дней, а именно двенадцатого июля, будет пятнадцать лет, как мое сознание, душа или матрица гвардии подполковника Аленина Тимофея Васильевича, каким-то образом перенеслась из две тысячи восемнадцатого года в одна тысяча восемьсот семьдесят восьмой год, в тело четырнадцатилетнего казачон-

ка Тимохи Аленина из станицы Черняева Амурского казачьего войска.

За эти пятнадцать лет много чего произошло со мной в этом мире. Прошел нелегкий путь от казачонка-пастуха до подполковника Генерального штаба и начальника Аналитического центра при российском императоре. Очень серьезной, кстати, конторы. Созданная служба объединила в себе разведку, контрразведку и аналитический отдел. Император личным указом предоставил право получать информацию из любой государственной структуры империи, включая МИД, МВД, военное и морское ведомства, проводить ее анализ, делать выводы и разрабатывать оптимальные решения по обеспечению безопасности и государственных интересов Российской империи. И как вишенка на торте – отдельное подразделение специальных операций для силового решения выявленных проблем.

А началось все с того, что я закрыл своим телом от пули цесаревича Николая Романова, возвращавшегося из Восточного путешествия. Потом была учеба в Иркутском юнкерском училище, первое офицерское звание. От императора Александра Третьего за спасение сына получил орден Святого Георгия четвертой степени, потомственное дворянство и приставку Зейский к фамилии. Императрица подарила очень неплохое имение рядом с Гатчиной.

По указанию государя был телохранителем у Николая, когда отец направил его наместником на Дальний Восток. Еще

два раза предотвратил покушения на цесаревича. Потом гонял хунхузов на границе с Китаем, затем – академия Генерального штаба, участие в походе в Китай, где отличился при штурме фортов Таку и арсенала Тяньцзиня, отметился в обороне Благовещенска и в рейде отряда генерала Ренненкампафа.

Потом злодействовал в тайной войне с Британией, чьи агенты отравили императора Александр Третьего, императрицу Марию Федоровну, великого князя Георгия и великую княгиню Ольгу. В ответ по приказу Николая Второго, который чудом остался жив, небольшой группой под моим руководством был взорван главный храм английских масонов в Лондоне во время проведения храмового совета верхушки посвященных.

На этом совете свадебным генералом присутствовал великий мастер ложи «брат Эдуард», или принц Уэльский. Сердце мамы принца не выдержало, и она вслед за сыном покинула этот бранный мир. А во время похоронной процессии королевы Виктории и принца Уэльского к «жертвам фениев» добавились премьер-министр маркиз Солсбери и еще несколько представителей Тайного Совета Великобритании.

Георга и Алису из-за личных чувств Николай попросил не трогать. Однако Георг чувств кузена не оценил и начал мстить, организовав несколько покушений на русского императора и его жену Елену Филипповну.

Да, в этом мире все пошло по какому-то другому пути, и

возможно, в этом виновато мое присутствие или, точнее, попадание моего сознания в этот мир. Как мне все больше кажется, именно в тот момент произошло ответвление или создание нового временно-пространственного континуума со своей новой историей.

Почему я сделал такие выводы?! Если до восемьдесят восьмого года события в этом мире происходили так же, как и в моем, то потом начались резкие отличия.

Александр Третий дожил до двадцать девятого сентября одна тысяча девятисотого года. У Николая Второго жена не «Гессенская муха», а Елена Орлеанская. Аликс же по настоянию королевы Виктории вышла замуж за герцога Йоркского, теперь уже короля Георга Пятого, так как королева Виктория и принц Уэльский умерли раньше времени.

Так что если в России некоторые исторические личности прожили чуть дольше, то в Англии приличное количество народа преставилось куда раньше, чем в моем прошлом-будущем. Хотя и в России таких персоналий хватало.

Великий князь Владимир Александрович при поддержке бритов решил организовать новый гвардейский переворот, но... Так получилось, что сотрудниками Аналитического центра при моем скромном участии заговор был предотвращен, из-за чего великий князь с сыновьями и приличным количеством гвардейских генералов и офицеров также не прожили то время жизни, как это было в моем прошлом-будущем.

Как попаданец, я не мог не заняться «прогрессорством» в этом мире. Самым важным успехом считаю появление пенициллина или чего-то на него похожего, что произвели с моей подсказки супруги Бутягины. Они не только создали сильный антибиотик, но и провели удачные испытания, убедили многих медицинских светил, и теперь в Томске уже действует бактериологический институт с производственными мощностями по изготовлению пенициллина, а также противодифтерийной сыворотки и оспенной вакцины.

Также с моей подачи российская армия снабжена на настоящий момент большим количеством пулеметов Мадсена и Максима. Эти изобретатели приняли подданство Российской империи, построили заводы и теперь клепают оружие, которое в срочном порядке идет на вооружение российского военного ведомства. Последние полтора года – для подразделений Маньчжурского военного округа, который ускоренными темпами готовится к войне с Японией.

Сконцентрировав внимание на поплавке, я отогнал от себя все мысли. Перо дважды легло на воду. Кажется, амур начал пробовать наживку. Еще поклевка, еще одна, и поплавок повело в сторону, а потом он нырнул. Я подсек и почувствовал, что на крючок попало что-то крупное. Удилище выгнулось дугой. Я опустил его к воде, давая слабину «леске», а потом потихоньку начал выводить рыбину к берегу. Удилище опять согнулось. Пришлось вновь давать слабину.

Моя борьба с белым амуром – один раз мне почти уда-

лось вытащить его голову из воды, чтобы он хватанул воздуха, – закончилась душевной травмой. Треск. Бульк. У меня в руках две трети удилища, а от берега глиссером удаляется его концевая треть. Провожая взглядом сбежавшую, точнее, уплывшую добычу, выдал малый петровский загиб. Спасибо, Сандро, большому мастеру военно-морского языка, научил.

Да, Сандро... Великий князь Александр Михайлович, получив карт-бланш от своего шурина, весь ушел в дела и заботы по выполнению и перевыполнению программы строительства кораблей для Дальнего Востока. И это дало множество положительных сдвигов в строительстве кораблей, особенно во взаимодействии различных предприятий.

Этому, конечно, немало способствовало принятие в Российской империи нового «Положения о военно-полевых судах», а также новых норм в «Уложениях о наказаниях уголовных и исправительных». Была там и такая норма, как «промышленный саботаж», то есть подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, совершенный в революционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий, или противодействие их нормальной деятельности.

Наказание: лишение всех прав состояния и смертная казнь, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения до каторги на срок не менее трех лет, с конфиска-

цией всего или части имущества и лишением гражданских прав.

Данная статья очень простимулировала работу Нового Адмиралтейства, где строились броненосец «Ослябя» и бронепалубный крейсер «Михаил Хохлов». Все работы шли с диким отставанием от графика. Дошло до того, что после спуска на воду крейсера, над которым патронаж взяла императрица, а работы на нем практически прекратились, главный корабельный инженер Петербургского порта Субботин в феврале одна тысяча девятьсот второго года подал специальную записку на имя Сандро, указывая в ней причины срыва сроков готовности корабля.

Основной причиной, по его мнению, стало то, что, в отличие от Балтийского завода, в Новом Адмиралтействе корабль строили подрядные организации. Судостроительную сталь поставляли Адмиралтейский Ижорский завод и Александровский чугунолитейный. Штевни и болты из прокатной морской бронзы – завод Пульмана. Палубную броню – фирма «Шатильон-Коментри». Артиллерию поставлял Обуховский завод, минное вооружение – Металлический завод. И так далее. Один делает турбины, другой – трубы, третий – электромоторы. Появляются вопросы, нарождаются переписка, объяснения, обсуждения, а дело стоит.

В результате, что на Балтийском заводе решается и выполняется в месяц, то в адмиралтействах потребует шесть месяцев, если не более. Пока главные устройства и системы

не будут выполняться одной фирмой без дробления одной и той же работы ради некоторой экономии в расходах между несколькими, часто малоопытными в сложных судовых работах контрагентами, достройка судов в казенных адмиралтействах будет идти черепашьими шагами.

Сандро, ознакомившись с докладной запиской и проверив правдивость ее содержания, собрал всех подрядчиков и вслух им зачитал статью о промышленном саботаже. После чего заявил, что видит перед собой революционеров, которые хотят поражения России в предстоящем противостоянии с Японией и, вероятнее всего, с Англией.

Видимо, до подрядчиков посыл зятя императора дошел. И не только до них. Как результат, в одна тысяча девятьсот втором году Тихоокеанская эскадра пополнилась эскадренными броненосцами «Ослябя» и «Победа», броненосным крейсером «Баян» и бронепалубными крейсерами «Паллада», «Диана», «Михаил Хохлов», «Боярин», «Аскольд», «Новик». Все эти корабли были построены на отечественных верфях. К ним присоединились построенные на американских верфях броненосец «Ретвизан» и крейсер «Варяг», а также французской постройки эскадренный броненосец «Цесаревич».

Таким образом, к концу второго года нового века на шесть японских эскадренных броненосцев мы имели в Тихом океане десять своих. «Сисой Великий», «Наварин» и «Полтава» прошли полноценный ремонт в Циндао и были готовы нести

службу дальше.

Кроме этих десяти броненосцев на российских верфях шло бешеными темпами строительство еще четырех эскадренников: «Бородино», «Император Александр III», «Князь Суворов» и «Орел», а также крейсеров «Алмаз», «Жемчуг» и «Изумруд». В Италии достраивались два крейсера из серии «Гарибальди»: «Мариано Морено» и «Ривадия», которые морское ведомство под нажимом Сандро приобрело после того, как от них отказалась Аргентина. Новые имена им еще не придумали. Мне же они помнились как «Касуга» и «Ниссин». Только в этом мире они будут сражаться на нашей стороне.

С вводом этих кораблей в четвертом году у нас будет практически полный паритет с Японией по броненосным крейсерам и бронепалубникам, а вот по эскадренным броненосцам мы будем иметь подавляющее преимущество. Только вот следующего года мы ждать не будем, так как в Аналитический центр пришла развединформация о том, что в ближайшее время англичане продадут или отдадут в аренду японцам броненосцы типа «Маджестик» и, возможно, с английскими экипажами. Какое количество броненосцев передадут, нашему агенту установить не удалось, но таких кораблей у Британии девять.

Эти мысли пронеслись в голове, пока менял наживку на единственно оставшемся средстве ловли рыбы. Поймать амура стало еще более навязчивой целью. Закинув удочку с

зеленым горохом на крючке в травяной островок, задумался, вспоминая последние события.

Неожиданный союз России и Германии, с подписанием двух соглашений, перетряхнул международную политику. Инициатива Гогландского соглашения по Европе принадлежала Вильгельму, стремящемуся разбить союз Парижа и Петербурга, чтобы обеспечить себе надежный тыл в Европе, пока он будет осваивать колонии. Кайзер, воспользовавшись конфронтацией между Россией и Англией, которая вот-вот должна была перейти в состояние войны, пришел со своей эскадрой на помощь русскому императору и предложил создать союз Германии, России и Франции против Великобритании.

Гогландский договор состоял из четырех статей и содержал обязательства сторон о взаимопомощи в Европе в случае нападения на одну из них какой-либо европейской державы. Также стороны обязывались не заключать сепаратный мир с одним из общих противников. Договор вступил в силу сразу после подписания. Срок действия не был ограничен, в случае денонсации договора одной из сторон предусматривалось информирование другой за год. Кроме того, Николай после вступления в силу договора должен был ознакомить с ним Францию и «побудить ее присоединиться к нему».

Я, конечно, не политик, но с точки зрения интересов Российской империи, по моему мнению, данное соглашение способствовало дистанцированию интересов России от

французских, создавало благоприятную почву для конструктивного взаимодействия с Германской империей. Плюс к этому блокировало антироссийскую деятельность Великобритании и давало России возможность поправить свое положение на Дальнем Востоке.

Особенно если знать, что Николай продал у кайзера еще одно секретное соглашение, по которому Германия и Россия поддерживают политику друг друга в отношении Китая и Кореи. Германская промышленность помогает вооружать российскую армию на Квантуне и в Маньчжурии, включая и поставку береговых орудий. Кроме того, германская военно-морская база в Циндао могла быть использована Тихоокеанской эскадрой для ремонта, стоянки и бункеровки углем.

Эти соглашения позволили перенаправить денежные потоки со строительства Либавской военно-морской крепости на Порт-Артур и Владивосток. А ведь на строительство в Либаве было запланировано истратить в три раза больше средств, чем на модернизацию китайской крепости Порт-Артур. Форты Либавы должны были обеспечивать защиту от одиннадцатидюймовых снарядов, а новые форты Порт-Артура – только от шестидюймовых снарядов. Огневая мощь артиллерии Либавской крепости должна была быть в полтора раза больше Порт-Артура.

Кроме этого выяснилось, что для десанта в Босфор был создан сверхсекретный особый запас. К одна тысяча восемь-

сот девяносто восьмому году в его составе имелось сто шестнадцать пушек и гаубиц, двадцать четыре пулемета Максима старой модификации и пятьдесят новой, сотни тонн боеприпасов, свыше полутора тысяч морских мин, сотни километров железнодорожного полотна и так далее. Причем весь особый запас размещался в Одессе и Севастополе недалеко от причалов. И все это богатство по распоряжению императора было отправлено на Квантун и в Маньчжурию.

Все эти меры ускорили в Порт-Артуре работы по возведению береговых укреплений. Был углублен Западный бассейн, предназначенный для броненосцев, почти закончено строительство нового сухого дока. Дополнительно к укреплениям Порт-Артура были возведены оборонительные сооружения на цзиньчжоуской позиции и на китайском берегу реки Ялу. Войска Маньчжурского округа как кроты зарывались в землю и вооружались.

Вооружение туда текло рекой. Пулеметы Мадсена и Максима, трехдюймовки и сорокавосьмилинейные гаубицы, пистолеты-пулеметы для охотничьих команд. Выпускники военных училищ чуть ли не в полном составе отправлялись на Квантун, восполняя нехватку офицерского состава. Российская империя этими действиями показывала всем, что от своего куска «китайского пирога» не откажется и будет за него драться.

В общем, ситуация сложилась такой, что на середину лета одна тысяча девятьсот третьего года Маньчжурский воен-

но-административный округ и Тихоокеанская эскадра находились на пике своей мощи. Дальнейшее ожидание и подготовка к войне будет только на пользу противнику.

Поэтому я и находился сейчас в станице Черняева, куда заглянул на несколько дней, пользуясь оказией. Привез письма, подарки от братьев и бойцов подразделения спецопераций. Когда выгружался на пристани станицы с парохода, создалось такое впечатление, что прибыл не офицер, а какой-то купец с кучей товара.

Потом были посещение могил, церковная служба и два дня гулянья всего Черняевского станичного округа. В конце концов, организм запросил пощады, и я спрятался от станичников на рыбалке.

Несколько отвлекся. В общем, на суперсекретном совещании при императоре было принято решение, что если до первого сентября японцы не начнут войны, то нападём мы с помощью нового оружия, к которому относятся боевые пловцы и торпедные катера, точнее, небольшие миноноски по местной классификации.

Команда Кононова должна будет прибыть в корейский порт Мозампо на специально переделанной для скрытых операций боевых пловцов парусно-винтовой шхуне под видом научной экспедиции, занимающейся гидрографическими работами. Порт прописки данной шхуны был город Марсель. Князь Урусов все оформил так, что и комар носа не подточит.

А в одну из необитаемых бухт острова Карого¹ должен будет подойти корабль-матка с четырьмя новыми секретными миноносками. В свое время рассказал Николаю и Сандро о торпедном катере типа «Д-3» времен Великой Отечественной войны. А потом покойный Севастьяныч под моим чутким руководством для детей Николая сделал из дерева его модель с резиномотором.

Все упиралось в двигатель, который позволял бы развивать этой миноноске скорость хотя бы в тридцать узлов. Группа из двух энтузиастов – Тринклера и Костовича – пыталась создать такой двигатель, но дело у них двигалось со скрипом, пока они не познакомились с работами Павла Дмитриевича Кузьминского и его газовой реверсивной турбиной радиального типа с десятью ступенями давления. Турбина работала на парогазовой смеси, получаемой в созданной опять же Кузьминским камере сгорания – «газопаророде».

К сожалению, этот замечательный человек и изобретатель умер, но остались его чертежи, работающий образец турбины и камеры, а также несколько инженеров-учеников на Балтийском судостроительном заводе, которые дополнили секретную группу изобретателей – создателей двигателей. И им удалось сделать турбину, которая позволяла миноноске – торпедному катеру развивать скорость сорок узлов, что на пять с половиной узлов было больше, чем показала англий-

---

¹ На современных картах остров Коджедо.

ская экспериментальная «Турбиния» с паротурбинной установкой Парсона на морском параде в честь Бриллиантового юбилея королевы Виктории в Спитхед в девяносто седьмом году.

И теперь на вооружении морского ведомства был засекреченный отряд миноносок водоизмещением тридцать тонн, длиной двадцать один метр, шириной четыре и осадкой меньше метра. Корпус этой миноноски делали из дерева толщиной сорок миллиметров. Днище сделали трехслойным, а борт и палубу – двухслойными. Благо древесины в Российской империи хватало. Дальность плавания у этой малютки достигала пятьсот миль. Мореходность позволяла использовать миноноску при ветре до шести баллов. На вооружении стояло два торпедных аппарата и два счетверенных пулемета Максима.

Десять таких катеров по железной дороге прибыли в Порт-Артур, а еще четыре с кораблем-маткой должны были поучаствовать в нанесении удара по японской военно-морской базе в Сасебо. Командовать этой группой должен был лейтенант Колчак, который недавно вернулся из Русской полярной экспедиции. Его выдернули из академии по моей просьбе.

Когда Александр Васильевич узнал, чем он будет заниматься, то невольно скосил взгляд на свой мундир, где был орден Святого Владимира четвертой степени за экспедицию, явно представив, что туда добавился Святой Георгий.

В общем, руководить всем этим безобразием, то есть нападением на Сасебо, император Николай Второй назначил меня. Зная мою любовь к морю, самодержец разрешил мне проследовать до Владивостока по суше, заодно проинспектировав состояние дел в военных округах по дороге, а потом на корабле до Мозампо.

В этот момент поплавок лег на воду, и я забыл обо всем на свете. В этот раз борьба с белым амуром закончилась моей победой. Нанизав его на кулан, где сидели три леща, я, довольный, отправился в станицу, подумав про себя, что удачная рыбалка была хорошим знаком.

Глава 1

Инспекция

Мой старый знакомый пароход «Селенга» плавно шел по фарватеру Амура, приближаясь к Хабаровску. Официальной версией моего нахождения на борту парохода была инспекционная поездка по проверке готовности к вероятной войне с Японией Приамурского и Маньчжурского округов. О реальной задаче, поставленной мне императором Николаем Вторым, думать не хотелось. Все, что мог спланировать, было уже спланировано. Силы и средства задействованы.

Поэтому оставалось только ждать и изображать из себя очень строгого инспектора с такими имперскими полномочиями, что даже чинов четвертого и третьего класса дрожь пробирала. Да и слава личного волкодава императора, который знатной кровушки пустил за последнее время ох как немало, работала на мой имидж.

Да... После того как подразделение Аналитического центра по силовым операциям перестреляло верхушку гвардейского заговора, отправив на тот свет великого князя Владимира Александровича с сыновьями, несколько генералов и штаб-офицеров столичной гвардии, за ним да и за всеми, кто носил форму центра, закрепилось несколько прозвищ: черные ангелы, ангелы смерти, волки императора, император-

ские волкодавы.

Этому поспособствовало и то, что после заявления Николая на Государственном совете о заговоре дяди при поддержке Англии в столице начались погромы, под шумок которых удалось с помощью уголовников изъять бумаги британского посольства. И вот после этого, с учетом полученной информации, черные кареты Аналитического центра можно было часто увидеть на улицах Санкт-Петербурга.

Подъезжала к подъезду черная закрытая карета, у которой мотор в две лошадиные силы и тоже черного цвета, из нее выходила тройка бойцов в черном. Скрывалась в подъезде. А через некоторое время без особого шума, а иногда и со стрельбой, и взрывами гранат, те же черные человечки выходили из подъезда, таща с собой одного или несколько фигурантов с черными мешками на головах. Закидывали их в карету, садились сами, и государственный возок направлялся в сторону Петропавловской крепости.

Народ быстро эти кареты обозвал «воронками». Из-за цвета лошадей с каретой, из-за цвета формы бойцов, да и песня «Ты не вейся, черный ворон, над моею головой» определенную роль сыграла. Очень уж был доволен простой люд, когда забирали в «воронок» кого-нибудь из правящей элиты.

Суды над теми, кто оказался в списках английского посольства, были открытыми. Нет, они были не военно-полевыми, а с присяжными, но по новым нормам уголовного права. До всеобщей декларации прав человека еще было дале-

ко, поэтому обратная сила закона не работала. Присяжные, несмотря на усилия защиты, признавали подсудимых виновными, а судьи в основном давали по максимуму.

В тысяча девятьсот втором году в России начался революционный террор. Лондон на своей территории сплотил всех революционеров. Туда переехали Ульянов, Аксельрод, Засулич, Мартов, Плеханов, Парвус, Савинков и прочие. Раздробленное революционное движение объединялось под крылом английского правительства.

Первой ласточкой было убийство министра внутренних дел Сипягина Дмитрия Сергеевича, работу которого высоко ценил Николай. Разнос всех служб был со стороны императора... В общем, я в состоянии такой ярости видел Николая в четвертый раз.

Профукали, что там говорить. Но действия террориста-одиночки предугадать было практически невозможно. Недаром потом между органом социал-демократов «Искра» и газетой эсеров «Революционная Россия» возник спор по вопросу о принадлежности Степана Валериановича к партии эсеров и сущности политического террора.

Второго апреля одна тысяча девятьсот второго года к зданию Мариинского дворца подъехала пролетка, в которой был студент Степан Балмашев, одетый в форму адъютанта. Дождавшись в швейцарской приезда министра, Балмашев подошел к нему и со словами, что привез пакет с бумагами от великого князя Сергея Александровича, выстрелил в го-

лову Сипягина. Министр скончался на месте, а его убийца даже не сделал попытки бежать.

В общем, Балмашев стал первым из террористов-революционеров нового поколения, который был повешен по решению военно-полевого суда. Три дня – и на четвертый пламенный революционер закачался на виселице в Шлиссельбургской крепости.

Дальше вал террора начал расти, но общими усилиями всех служб его удалось в течение года купировать. Сыграли роль и профсоюзы Зубатова, и то, что на всех казенных заводах была работа, а сверхурочные в связи с большим объемом госзаказов оплачивались по двойному тарифу. Рабочие сами сдавали агитаторов, а те чиновники, которые не поняли новой экономической политики императора, попадали под статью «промышленный саботаж».

Кроме того, когда при штурме явок террористов погибло два бойца из моего спецподразделения, я отдал негласный приказ: в случае вооруженного сопротивления живыми никого не брать.

Вильгельм, воодушевленный работой наших штурмовиков, прислал по согласованию с Николаем на обучение в Аналитический центр десять офицеров, которые должны будут создать в Германии аналогичные подразделения.

И если честно, то я его понимаю. Мало кто знал, что в начале марта одна тысяча девятисотого года анархист Дитрих Вайланд выстрелил в кайзера во время его визита в Бремен,

но, слава богу, лишь незначительно его ранил, хотя попал в голову. Шлем спас. Так что кайзер знал не понаслышке, что такое революционный террор.

Если по всей Европе революционеры всех мастей и оттенков спокойно и открыто собирали деньги на революцию, открывали «партийные школы», проводили съезды, чуть ли не в открытую закупали оружие и создавали центры боевой подготовки, где учили вьюношей и мамзелей со взором горящим стрельбе и метанию бомб, то в Германской империи такие штучки не проходили.

Жить там революционер, в принципе, мог, но при малейшей попытке революционной деятельности его тут же брали в оборот и объясняли, что здесь такое не проходит. А объявленных в розыск террористов германцы моментально выдавали России, не устраивая, подобно Франции, митингов возмущенной «зверствами царизма» прогрессивной общественности.

Меж тем во Франции, чтобы нормальным образом бороться с ускользнувшими туда бомбистами, русской заграничной агентуре приходилось втайне вербовать и покупать отдельных французских полицейских чиновников, потому что легально, законным образом добиться чего-то от французских властей было невозможно.

Так что, когда революционеры заявили на съезде в Лондоне, что «одним из сильных средств борьбы, диктуемых нашим революционным прошлым и настоящим, является

политический террор, заключающийся в уничтожении наиболее вредных и влиятельных при данных условиях лиц русского самодержавия, и террористическая деятельность прекратится лишь с победой над самодержавием, лишь с полным достижением политической свободы», Вильгельм и прислал своих офицеров на стажировку в центр. После борьбы с русским самодержавием он не исключал, что следующей целью будет кайзер и Германская империя.

Но это было позже, а тогда, после покушения, не знаю, что накопили германские спецслужбы по нему, но именно после этого события в германском рейхстаге князь фон Бюлов заявил, что Яныцзинское соглашение с Великобританией одна тысяча девятисотого года не касается Маньчжурии. После этого в Лондоне внезапно прерываются переговоры о возможности создания блока Великобритания – Германия – Япония, направленного против России. А потом были приход на помощь германской эскадры и Гогландское соглашение.

Да... Гогландское соглашение по Европе перевернуло всю политику с головы на ноги. Франция пришла в ужас от случившегося. Остаться один на один с Германией ей решительно не хотелось. Особенно вследствие возможной затянувшейся войны между Россией и Великобританией.

Казалось бы, как это вообще возможно? Морская и континентальная державы?! Тем не менее, кроме английского «боевого пса» Японии на море, которую британцы могли под-

держат и своим флотом, Российская империя и Великобритания имели возможность устроить театр военных действий на территориях Персии, Афганистана, Северной Индии, а возможно, и в Китае. Удаленность коммуникаций без проблем может растянуть это противостояние на несколько лет, истощая экономику обеих стран.

Судя по всему, в этот замес впишется кайзер на стороне России. Как поведут себя Австро-Венгрия и Италия – союзники Германии по Тройственному союзу – не известно. Но если и они встанут на сторону Германии и России, то будет не просто весело, а очень весело.

Как следствие, Парижем овладела нешуточная паника. Нет, конечно, во Франции никто не был против того, чтобы англичане творили свои гадости русским. Но Россия была нужна республике для противостояния Германии, а теперь та и Россия заключили договор о взаимопомощи, который ставил крест на мечтах Франции о возврате Эльзаса и Лотарингии.

Поэтому спустя год и семь месяцев после подписания двумя империями Гогландского соглашения Франция, как девушка на выданье, строила глазки всем, не давая окончательного ответа. Правда, потихоньку пошла информация, что она все больше и больше склоняется к «сердечному соглашению» с британским джентльменом по вопросам в Африке и в Новом Свете. Думаю, и по Европе будет какое-нибудь секретное соглашение.

В Британии же творилось нечто невообразимое. Георг Пятый был готов на все, чтобы отомстить России, ну и Германии заодно, но вот британское общество традиционно было не однородным. Часть хотела одного, другая – другого, третья – третьего и так далее.

Либералы, получившие большинство в правительстве, на удивление дружно встали на сторону своего короля, в отличие от консерваторов, очень недовольных тем, что терпят убытки из-за свернутой торговли с Россией.

За спиной премьер-министра Великобритании Генри Кэмпбелл-Баннермана стоял второй барон Ротшильд, его отец и еврейская диаспора Великобритании. Уолтер Ротшильд был активным политиком, представляя либеральное движение, являлся членом парламента от города Эйлсбери и принимал активное участие в разработке проекта декларации по созданию еврейского национального государства в Палестине.

Враждебное отношение к России данной группы было определено тем, что Российская империя начала двадцатого века была признанным международным лидером антисемитизма и притеснения евреев. Доходило до того, что в английских газетах сравнивали положение евреев в России с египетским рабством ветхозаветных времен.

Особняком выступала и та часть британского общества, которая имела бизнес в Японии и Китае, а также планировала какие-то перспективы от концессий по итогам уже неиз-

бежной русско-японской войны. Надо сказать, что это была небольшая часть, так как основные, фундаментальные финансовые интересы Великобритании были сосредоточены в Индии, Африке и на Ближнем Востоке.

В общем, хотя единства у британцев и не было, но Георг «гадил» где только мог, причем не только нам. В январе этого года в Юго-Западной Африке, протекторат над которой Германия установила в конце восьмидесятых годов прошлого века, началось восстание за свободу и независимость местных племен гереро и оттенгов.

Племена поднялись на борьбу почти поголовно. Вооруженные поставленными англичанами винтовками, имея инструкторов-британцев, обучавших повстанцев с учетом опыта англо-бурской войны, племена начали партизанские действия, нанося германским отрядам поражения, используя внезапность нападения.

Только после прибытия из Германии подкрепления, пушек и пулеметов, поставленных из России, ситуация стала меняться. Но, судя по всему, кузен Вилли получил головную боль не на один год.

Тревожные сведения приходили от военных агентов касемо и наших границ. Полки англо-индийской армии стягивались к городу Равалпинди, который располагался недалеко от границы с Афганистаном и стал местом дислокации крупнейшего британского гарнизона в Индии. В случае военных действий в сопредельных с Индией провинциях Китая

и Туркестана они в течение двух-трех месяцев смогут выставить три корпуса неплохо обученных и вооруженных войск.

Но изменения коснулись не только сухопутных сил. Активизировался и главный военный аргумент Британии – флот. Учения, учения и еще раз учения. Их количество с начала этого года превысило в два раза количество флотских маневров за весь прошлый год.

В английском адмиралтействе даже создали «Отдел по борьбе с подводной опасностью», задачей которого является оценка степени угрозы крупным кораблям со стороны подводных лодок и выработка мер противодействия с участием бывших компаньонов господина Холланда в качестве экспертов. Сам же Джон, разругавшийся с Фростом и Райсом, уже целый год работал в «закрытом конструкторском бюро» вместе с Джевецким, Крыловыми и Костовичем.

Они уже создали проект «Дельфин» и воплотили его в трех подводных лодках, прошедших испытания и принятых на вооружение ВМФ Российской империи. Две из трех лодок были переправлены в Порт-Артур.

Полное подводное водоизмещение судна составило сто двадцать тонн, длина – двадцать метров, диаметр – четыре метра. Скорость надводного хода достигала десяти узлов, подводного – шесть узлов. Дальность плавания экономическим ходом была, соответственно, четыреста и сорок миль. Рабочая глубина погружения – пятьдесят метров. Вооружение состояло из двух трубных минных аппаратов калибра че-

тыреста пятьдесят семь миллиметров. Боекомплект насчитывал четыре торпеды.

Командир первого подводного миноносца кап-два Беклемишев после ходовых испытаний докладывал: возможность подводного плавания при скорости шесть узлов обеспечивается с точностью до одного фута; скорость по поверхности в десять узлов держится уверенно; практическая дальность плавания под электромотором определилась в шестьдесят миль от расчетных сорока, но при скорости в пять узлов, причем в течение четырех дней, производилась варка свежей пищи, вентиляция и освещение. Возможность зарядки аккумуляторов от мотора практически проверена много раз, не только командование, но даже несколько человек мастеровых, работающих на лодке, переносят подводное плавание спокойно.

Я улыбнулся, вспомнив, как Михаил Николаевич волновался, докладывая Николаю об успешных ходовых испытаниях. Однако этот офицер был холоден и собран в момент смертельной опасности. Только его решительные действия позволили спасти лодку и экипаж при первом погружении. Тогда не удалось удержать подводный миноносец на заданной глубине, и он воткнулся в дно. Появилась течь, на борту подлодки началась паника, которую смог прекратить Беклемишев и организовать работы по спасению первого русского подводного миноносца. Лодка смогла вырваться из рук Нептуна и всплыла.

Как потом рассказывали свидетели, когда Бубнов и Беклемишев оказались на берегу, то сняли фуражки, перекрестились, а Михаил Николаевич спокойно произнес: «Ну, вот, слава богу, и поплавали под водой».

Да! Много, очень много событий произошло за эти полтора года. Все и не упомнишь. Слишком их много было. Из значимых для Аналитического центра стал выпуск первых курсантов. В качестве экзамена они были направлены в различные губернские города без документов, денег, одетыми чуть ли не бродягами с задачей за месяц адаптироваться в местных условиях и занять достойное положение в местном обществе.

Для этого выпускники имели право использовать свои полученные криминальные навыки и все умения, изученные во время курсов. В общем, разрешалось все, кроме убийства. Но если кто-то попадетя, то суд и наказание будут реальными. Своими настоящими биографиями пользоваться было запрещено.

С заданием справились все. Никто не насторожил полицию и жандармов. Легализовались по-разному. Месяц – срок небольшой, поэтому кто-то смог устроиться на завод только простым рабочим, кто-то смог достичь большего.

Отличился курсант с учебным прозвищем Гусар. Попав на испытания в Саратов, он каким-то образом умудрился за столь короткое время охмурить младшую дочь предводителя местного губернского дворянства, шталмейстера Двора Его

Императорского Величества и члена Государственного совета Павла Александровича Кривского. В результате там все шло к свадьбе, а будущий тесть пристроил нашего курсанта на службу к себе под бочок на должность, позволяющую получить чин коллежского секретаря.

Все бы ничего, только Гусар легализовался по украденному паспорту и сделанным, точнее, переправленным, им же самим другим украденным документам. А ляmur возникла нешуточная, особенно со стороны девицы. Да и Гусар признался, что полюбил по-настоящему и не знает, что теперь делать. Вот такая Санта-Барбара в Саратове образовалась в одна тысяча девятьсот втором году.

Пришлось для саратовского дворянства и их предводителя раскрывать Гусара как коллежского секретаря, состоящего на службе в Министерстве императорского двора и уделов при кабинете его императорского величества, который в городе выполнял особое секретное распоряжение императора по чужим документам.

В общем, все закончилось признаниями, слезами радости и свадьбой, благо Гусар был дворянином, а его истинный статус оказался даже выше, чем был по поддельным документам. А по Российской империи поползли слухи, что царь-то снова возродил Тайную экспедицию, а скоро «слово и дело государево» введут. Вот и думай, кому и что говорить. Вдруг перед тобой никакой не Иванов, а Сидоров из Тайной экспедиции.

Пятерых курсантов пришлось отчислить. Точнее, сделали так, чтобы все считали, что они отчислены как не прошедшие испытание. На самом деле только этих пятерых можно было с натяжкой использовать как нелегалов. Трое из них направлялись в САСШ. Ирландец и Горец, которые действительно имели ирландские и шотландские корни, должны были в Нью-Йорке войти в команду Джеймса Коннолли.

Этот человек был ведущей фигурой в ирландском протестном движении на рубеже веков. Он активно выступал против Гомруля – движения за автономию Ирландии, считая его полумерами. Его мечтой была независимая Ирландия. В одна тысяча восемьсот девяносто седьмом году он инициировал демонстрации против организованных властями Дублина торжеств в честь шестидесятилетия правления королевы Виктории, а также против запланированных визитов членов королевской семьи в Ирландию. Кроме того, Коннолли организовал дублинские протесты против англо-бурской войны, после чего был вынужден выехать вместе с семьей в САСШ.

С помощью этого лидера современных фениев и наших двух агентов мы надеялись создать Ирландскую республиканскую армию, которая будет бороться за независимую Ирландскую республику намного раньше, чем это произошло в моем мире. Надо же было добавить англам головной боли, не только им устраивать волнения, восстания и перевороты. Пора брать на вооружение приемы политической борьбы

«самой прогрессивной» нации на свете.

А третий представитель наших курсов создаст первую в Штатах финансовую пирамиду LEF от Liberte, Égalite, Fraternite, то бишь свобода, равенство и братство. Достигать успехов на этом поприще Финансист должен был, действуя через подставных наемных лиц в основном французского и немецкого происхождения.

Этот курсант, который окончил Санкт-Петербургский университет по первому разряду и с золотой медалью по кафедре политэкономии, еще на стадии отбора кандидатов был намечен именно на эту цель.

Он был любимым учеником Михаила Ивановича Туган-Барановского, создавшего инвестиционную теорию циклов и написавшего в одна тысяча восемьсот девяносто четвертом году книгу «Промышленные кризисы в современной Англии, их причина и влияние на народную жизнь». В этой книге молодой экономист дал новое системное видение сущности экономических кризисов и их причин. А его еще более юный ученик должен был на практике доказать правильность теории своего наставника.

С Туган-Барановским был на короткой ноге главный экономический мозг Аналитического центра Петр Струве, от которого и узнали о молодом финансовом гении. Оставалось его только направить в нужную сторону и в виде финансовой мины подбросить в САСШ, зарабатывать деньги для ИРА и России да ковать причины для финансово-экономического

кризиса. Для этих целей Финансист получил доступ к счетам на один миллион долларов. Контролировать его, конечно, предполагалось. Но его настрой говорил о том, что этот агент готов к великим свершениям.

Еще по одному курсанту уехали в Германию и Францию. Их задача была внедриться в военные круги этих стран для получения информации о состоянии войск, промышленности, планируемых военных действий. Задача была с перспективой не на один год и даже не на один десяток лет. Такие Штирлицы начала двадцатого века.

Больше десятка курсантов разъехались по дипломатическим миссиям в разные страны, чтобы под видом обслуживающего персонала посольств и представительств собирать развединформацию. Двенадцать выпускников курса образовали костяк контрразведки. Половина из них убыла в Харбин. Старший этой группы должен был передать обусловленное с Тифонтаем послание от меня и получить от купца всю собранную тем информацию. Такой вариант развития событий мы с Николаем Ивановичем обговаривали еще во время встречи в Иркутске.

Да, Иркутск. Пока добирался до него, казалось, что еду по строительной площадке, и стройка не прекращается ни днем, ни ночью. По всему Транссибу раздавались стук топоров, хруст вгрызающихся в дерево пил, смачные и звонкие удары кувалд по костылям. Шалаша, палатки, огонь костров, на которых готовится пища, перебранки на могучем

русском языке. На полустанках было видно, как разбегаются влево-вправо от основного полотна новые дорожные ветки, отстойники, вагонные и ремонтные депо. Да и сам Транссиб до Омска стал уже двухпутным.

Не забыв навесить родное училище и дядьку Игната, я проинспектировал строительство Кругобайкальской железной дороги и Байкальской переправы, на которой уже действовали два парома-ледокола «Ангара» и «Байкал».

Сооружение дороги от Иркутска до байкальского мыса Малый Баранчик, на котором был расположен порт Байкал, велось с одна тысяча восемьсот девяносто шестого по одна тысяча девятисотый год. К этому времени также была построена железная дорога от Сретенска до Мысовой на восточном берегу Байкала.

Возведение самого сложного отрезка, от Слюдянки до станции Байкал, началось осенью одна тысяча девятьсот второго года, когда стало понятно, что столкновение с Англией и Японией неизбежно. На этот участок были брошены значительные силы и средства, куда больше, чем было запланировано изначально.

Технические условия при устройстве разъездов определили пропускную способность дороги в четырнадцать пар поездов в сутки. Сроком окончания работ по строительству Кругобайкальской железной дороги императором была названа дата – десятое августа одна тысяча девятьсот третьего года.

На момент моей инспекции работы подходили к концу. Никому не хотелось пополнить собой отряды каторжан, задействованных на этом грандиозном по срокам строительстве.

Основные силы были брошены на ввод в эксплуатацию железнодорожного полотна, поэтому работы по развитию станций и поселков на пути следования дороги не проводились. Этим можно было заняться и позже. Как говорилось в моем мире: «Все для фронта, все для победы».

Мои мысли прервал гудок парохода. «Селенга» сообщала, что прибывает под заход солнца к пристани Хабаровска. Впереди меня ждала встреча с главнокомандующим всеми войсками Дальнего Востока и генерал-губернатором Приамурья Гродековым.

Николая Ивановича я хорошо знал еще по своей прошлой службе при генерал-губернаторе Духовском. Гродеков с девяносто третьего года был замом у Сергея Михайловича. Правда, в последний раз с Николаем Ивановичем виделся почти семь лет назад в девяносто шестом году. Во время моего участия в войне с китайцами и ихэтуанями встретиться не получилось.

Генерал-губернатор тогда отвечал за оборону Приамурья и умирение китайских волнений в Северной Маньчжурии. Благодаря его энергичным и решительным действиям была блестяще выполнена мобилизация Приамурья. Именно он спланировал удары отряда Ренненкампа через Малый

Хинган на Цицикар и Гирин, генерал-майора Сахарова – на Харбин, а отряда генерала Айгустова – на Нингуту и Хуньчунь.

Его тактические и стратегические решения привели к тому, что уже к пятому июля одна тысяча девятьсот первого года было открыто временное движение поездов и перевозки грузов на всей протяженности еще не «замиренной» КВЖД. К концу июля того же года правый берег главной транспортной артерии региона – Амура – был очищен от неприятеля, и возобновлено свободное плавание судов.

А к двадцатому августа, после взятия Гирина, Цицикара и Нингуты, вся магистраль КВЖД, на протяжении одной тысячи двухсот верст, вновь прочно удерживалась русскими войсками, и военные действия в Северной Маньчжурии можно было считать оконченными.

Гродекову императором была пожалована золотая, украшенная бриллиантами шашка с надписью «За победы в Северной Маньчжурии. 1900 г.». В том же году Николай Иванович был произведен в генерала от инфантерии.

В августе прошлого года генерал-губернатор в связи с шестидесятилетием попросился в отставку, но вместо этого император добавил к его генерал-губернаторству должность главнокомандующего войсками на Дальнем Востоке. На этом посту Гродекову пришлось выполнить громадную работу по организации и подготовке запасных частей и частей действующей дальневосточной армии к новой войне, а

также приведению тыла Приамурья на военное положение.

* * *

– Ваше высокопревосходительство, разрешите войти? – я застыл по стойке смирно в дверях кабинета приморского генерал-губернатора.

– Проходите, Тимофей Васильевич, очень рад вас видеть, – Гродеков вышел из-за стола и, улыбаясь, пошел мне навстречу.

Пожав мне руку и похлопав по плечу, подвел к столу и усадил на стул. Вернувшись на место, некоторое время с интересом рассматривал меня через стекла очков.

– А вы за эти годы возмужали и заматерели, Тимофей Васильевич. Я-то вас помню лихим рубакой во главе сотни, которая гоняла хунхузов по всему Амуру. Очень эффективно вы тогда действовали. А теперь начальник Аналитического центра, которого все боятся до колик в животе. Как там уже в народе говорят: «Приедут к тебе черные ангелы на воронке, тогда и узнаешь, как ты жизнь прожил»... – Николай Иванович весело и заразительно рассмеялся.

Не удержался от смеха и я. Такую интерпретацию выездов на арест моих орлов я слышал впервые. И если честно, было даже лестно от такого сравнения.

– Как Аркадий Семенович поживает?! – резко изменил тему разговора Гродеков.

– Так же как и вы, Николай Иванович, просился в отставку, очень хотелось ему все свое время внуку посвятить, но государь не отпустил. Так что Аркадий Семенович продолжает нести службу в Военном совете, в Главном комитете по устройству и образованию войск занимается вопросом новой тактики боевых действий казачьих войск, – ответил я.

– Так вас, Тимофей Васильевич, можно поздравить с рождением сына?! – улыбаясь, задал вопрос генерал.

– Двадцатого июня одна тысяча девятьсот второго года на свет появился Василий Тимофеевич Аленин-Зейский. И как заведено в семействе Алениных, первенца от Тимофея называли Василием в честь Ермака, – я расплылся в счастливой улыбке.

Беременность Маши и рождение ребенка прошли без особых трудностей. Наследник родился здоровым и горластым карапузом. Супруга как-то сразу одомашнилась. Хотя, как говорил тестю, в имении пришлось создать домашнюю химическую лабораторию. Но, слава богу, после родов моя Машенька как-то забыла о своих грандиозных планах осчастливить мир каким-то суперлекарством и полностью посвятила себя ребенку.

С учетом того, что на меня за последних полтора года было совершено еще четыре покушения, пришлось озаботиться охраной имения. В Курковицах, в специальном пристрое к дому поселились пять отобранных мною запасников, которым, как и покойному Севастьянычу, было некуда возвра-

щаться. Ребята были тертые и умелые с оружием. Да и плюшек я им пообещал много.

Кроме этого, по своим каналам довел до заинтересованных в моей смерти лиц, что если что-то случится с моей женой и сыном, то вырежу всех виновных и членов их семей до седьмого колена. Не пожалею никого. Ни старых, ни малых, даже тех, кто ниже колесной чеки. Император, отправляя меня в это путешествие, также обещал позаботиться о моей семье. Несмотря на принятые меры, беспокойство оставалось.

– Тимофей Васильевич, извините за нескромный вопрос, – Гродеков с каким-то виноватым выражением на лице прервал мои воспоминания. – Это правда, что вы ведете свой род от Ермака?

– Ваше высокопревосходительство, от деда слышал, что казачий род Алениных ведет свое происхождение от алан-аорсов. Василий Тимофеевич Аленин, известный как Ермак, во главе одного из отрядов донских казаков в казачьем войске под общим командованием атамана Сусара Федорова участвовал во взятии Казани. Царь Иоанн Грозный пожаловал тогда донцам навеки весь Тихий Дон со всеми его реками и притоками. Данная грамота до конца семнадцатого века хранилась в соборе города Черкаска и была отобрана Петром Великим во время его похода под Азов. А прозвище Ермак настолько прилипло к моему предку, что в синодике Тобольской соборной церкви для поминовения казаков, погибших при завоевании Сибири, по повелению первого ар-

хиепископа Киприана был Василий Тимофеевич Аленин записан как Ермак, сын Тимофеев, – я замолчал.

– И что дальше? – заинтересованно спросил генерал.

– А дальше ничего. Пользуясь своим положением, ваше высокопревосходительство, в Тобольске подтверждения этому не нашел, – я грустно улыбнулся. – И, в принципе, какая разница, кто был твоим предком. Главное, что ты сделал в этом мире!

– С этим вашим высказыванием полностью соглашусь, Тимофей Васильевич. Но, как говорится в народе: делу время, а потехе час. А посему все дела откладываем на завтра, и сейчас мы проследуем в офицерское собрание. Там нас уже ждут накрытые столы и офицеры Хабаровска, которым просто не терпится узнать о последних новостях из столицы, – Гродеков усмехнулся и, поправив очки, добавил: – Возражения не принимаются, господин полковник.

Глава 2

Владивостокская крепость

Посидели в офицерском собрании душевно. Многих офицеров я знал по предыдущей службе до девяносто шестого года, с некоторыми познакомился во время осады Благовещенска и в отряде Ренненкампфа.

Сегодня с утра ходил на утреннее богослужение, подал записку для поминовения на Божественной литургии со списком всей своей умершей родни и Дарьи. Купил и расставил свечи, раздал милостыню, а потом ходил на кладбище. По такой же схеме помянул всех в станице, кроме раздачи милости. Нищих и попрошайек у станичной церкви в Черняева никогда не было.

Придя на кладбище, убрал немного листвы, веток с могилки своей «храброй птички». Было видно, что за могилой ухаживают. В прошлый свой приезд оставил кладбищенскому сторожу денег, да и потом раз в год пересылал небольшие суммы Тарале с просьбой передать их сторожу. Арсений в ответных телеграммах ругался, мол, он и сам может деньги на это выделить, но перечисленные мною суммы передавал.

Посидел, погрустил, повинился. Мысленно рассказал Дарье обо всех событиях, которые произошли со мной с момента моего последнего посещения могилы. Глупо ждал ка-

кого-то ответа. Приняв за него порыв теплого ветра, который разметал мне волосы на макушке, с каким-то чувством облегчения и очищения ушел с кладбища. Впереди ждала служба.

* * *

– Итак, Тимофей Васильевич, с чего начнем? В принципе, я каждый месяц отправляю в военное ведомство доклады по подготовке Приамурья и Владивостокской крепости к боевым действиям. Вы знакомились с моими докладами? – спросил меня Гродеков, блеснув стеклами очков.

Мы вновь расположились в его рабочем кабинете, и Николай Иванович должен был ознакомить меня с состоянием дел во вверенных ему войсках и на оборонительных позициях. На столе лежало несколько карт.

– Ваше высокопревосходительство, признаюсь, на меня эта инспекционная поездка свалилась как снег на голову. Возможно, государь и хотел, чтобы я посмотрел на все свежим взглядом, ничем не зашоренным. По этому я с вашими докладами не знаком и буду рад услышать все лично от вас, – ответил я, вежливо кивнув в конце фразы.

– Что же, давайте тогда без чинов. И я вам обрисую положение дел и то, как вижу сложившуюся ситуацию в целом, – генерал откинулся на спинку стула и сцепил в замок пальцы рук.

Я также удобнее устроился за столом, предполагая, что разговор будет долгим.

– По окончании японско-китайской войны в девяносто пятом году в военном ведомстве была пересмотрена доктрина использования Владивостокской крепости в связи с изменением вероятного противника, которым стала Япония. Был разработан новый план обороны, и было решено, что между строящимися и имеющимися крепостными фортами и батареями не должно оставаться мертвых зон, где войска или флот неприятеля могли бы укрыться от обстрела и организовать плацдарм. В наиболее узких бухтах, куда не доставали орудия, было принято решение выставлять минные заграждения и корабли Сибирской военной флотилии... – Гродеков поправил пальцем очки на переносице. – Роль Владивостокской крепости в обороне сводилась к двум основным задачам. Первая: береговые дальнобойные батареи должны вывести из строя флот противника и пресечь обстрел города и бухты с моря. Вторая: фортам северной линии надлежало остановить наступление японской армии после высадки десанта где-нибудь на побережье.

Я с интересом слушал генерал-губернатора, который кратко, но емко и четко рисовал картину организации обороны Владивостока.

– По этому плану в девяносто седьмом году была построена в бетоне Назимовская батарея на одноименном мысе, строилась мортирная батарея из одиннадцатидюймовок

семьдесят седьмого года у Токаревской кошки, велись работы по перестройке старых дерево-земляных батарей на бетонные. Параллельно пришлось развернуть казарменное и дорожное строительство из-за заметного увеличения численности гарнизона крепости. По утвержденным и разработанным местными инженерами проектам началось строительство четырех долговременных фортов, которые должны были стать основой сухопутной обороны крепости: Северо-Западный, Северный и Северо-Восточный на высотах Второй Речки и Седанки на полуострове Муравьева-Амурского, и форт Южный – на горе Русских на Русском острове. Форты располагались на расстоянии семи-пятнадцати километров от бухты Золотой Рог. Это исключало возможность обстрела сухопутной артиллерией противника города и стоящих на рейде кораблей Сибирской флотилии. К одна тысяча девятисотому году достроили в бетоне Новосильцевскую батарею, – рассказывая, Николай Иванович показывал карандашом на карте Владивостокской крепости значки оборонительных сооружений.

Я, привстав со стула, следил за карандашом-указкой генерал-губернатора. Гродеков сделал паузу, переводя дух, а потом продолжил:

– Тогда же по проекту военного инженера капитана Романовича прорыли канал через перешеек Русского острова, чтобы в случае начала войны миноносцы и другие корабли могли спокойно ходить из Золотого Рога в бухту Новик и

обратно, не покидая пролива Босфор Восточный, выходы из которого должны были прикрываться минными заграждениями. Этим обеспечивалась непрерывная связь внутренней бухты острова с материком даже в военное время. И тут, как вы сказали, будто снег на голову, строительство было остановлено по приказу военного министра. Алексей Николаевич нашел линию обороны чрезмерно растянутой, требующей слишком большого количества войск для ее занятия и удержания, а также больших финансовых затрат.

Гродеков снял очки и начал протирать стекла специальной тряпочкой, которую достал из футляра, лежащего на столе. Насколько я помнил по прежней службе, эти действия показывали сильное волнение генерала.

– Я лично писал генералу Куропаткину, что сужение линии обороны окажет пагубное влияние на оборонную способность Владивостока. Если сократить длину оборонительного обвода и построить его на расстоянии всего лишь три-четыре километра от бухты Золотой Рог, то форты и батареи не смогут помешать противнику спокойно обстреливать центр Владивостока и акваторию Золотого Рога из тяжелой артиллерии, – Николай Иванович задумался, положив карандаш на карту, и начал вновь протирать очки.

Я же, склонившись над картой, мысленно перенес значки ближе к городу на указанные Гродековым расстояния, и малый петровский загиб пронесся в моей голове.

– Признаюсь, выполнение данного приказа я просто про-

саботировал, – голос генерал-губернатора звучал глухо. – Создал комиссию по вооружению Владивостокской крепости, которая пришла к заключению, что подковообразная группа высот под номерами 204, 200, 153 и 217 к северо-востоку от Владивостока должна рассматриваться как передовая позиция. В результате решений комиссии под указанным предлогом были сохранены недостроенные форты Северный и Северо-Восточный.

Гродеков посмотрел на меня тяжелым взглядом.

– Я сознательно нарушил приказ, Тимофей Васильевич. И подбил на это многих офицеров, находящихся в моем подчинении. Мы были готовы понести наказание, но после случившихся в столице событий осени одна тысяча девятьсот первого года все коренным образом изменилось. Все решения комиссии были утверждены высочайшим указом его императорского величества, а финансирование, вооружение и снабжение Приморья значительно увеличилось, – с каждым словом Николай Иванович как-то скукоживался, хотя говорил как бы о своей победе над военным министром.

– Николай Иванович, извините, но все для вас закончилось хорошо. Почему же вы в прошлом году подали в отставку? – произвольно вырвалось у меня.

– Устал я, Тимофей Васильевич. Сначала боксерское восстание, потом это противостояние с военным ведомством и его министром. А я уже не мальчик, – угрюмо усмехнулся генерал-губернатор. – Знаете, что меня остановило?!

Что?!

– Телеграмма государя, в которой он мне написал: «Вы мне нужны на этом посту», – произнес Гродеков и замолчал.

– Император знает, как подобрать нужные слова, Николай Иванович. После смерти родителей, брата и сестры он очень сильно изменился. Это не тот несколько наивный наместник Дальнего Востока, которого вы помните, – я усмехнулся. И как я вижу, государь не ошибся, сказав, что вы ему нужны здесь, в Приморье. Судя по значкам на карте, объем запланированных работ выполнен почти полностью?!

– Да, Тимофей Васильевич, практически полностью, – несколько оживился генерал-губернатор. – На настоящий момент оборона Владивостока состоит из двадцати трех береговых батарей, которые простреливают почти всю прибрежную зону. На сухопутном направлении мы имеем четыре форта, девять полевых укреплений и двадцать батарей. К сожалению, большинство орудий образца 1877 года с малой дальностью, невысокой скорострельностью и недостаточной точностью стрельбы. Хорошо, что на новых береговых батареях основную массу орудий составляют обуховские шестидюймовки с щитовым прикрытием, скорострельностью в семь выстрелов в минуту и максимальной дальностью стрельбы на восемнадцать верст. Но если подойдут японские эскадренные броненосцы с их двенадцатидюймовками, то нам придется худо. Да и со снарядами не сказать что хорошо, несмотря на то что на всю мощь используем Ха-

баровские артиллерийские мастерские. Их пустили в ноябре прошлого года.

– И какое качество у снарядов местного производства? – поинтересовался я.

– Намного хуже, чем у новых с тротилом, которые в малом количестве поступают к нам в основном к шестидюймовкам. Но лучше, чем из старых запасов. – Гродеков улыбнулся каким-то своим мыслям. – Мы, как в Кронштадте, провели испытания на пробитие брони для береговых орудий. Результаты показали, что пробить крупновскую броневую плиту толщиной в сто пятьдесят миллиметров из шестидюймовок не получается уже на дистанции в двадцать кабельтовых. А если она располагалась хотя бы под небольшим углом к атакующему снаряду, то и с пятнадцати кабельтовых. Но даже пробитие не всегда дает нужный результат, так как двухкапсульные взрыватели генерала Бринка активируют подрыв лишь в одном случае из десяти после пробития, да и заряд снаряда слишком мал, чтобы причинить какие-то серьезные разрушения.

Генерал-губернатор грустно улыбнулся и вновь начал протирать очки. Лицо Николая Ивановича приняло какое-то детское и обиженное выражение.

– И как решили выходить из этой ситуации? – поинтересовался я.

– Провели ревизию имеющихся в крепости снарядов. Выполненные из стали в мастерских начали переснаряжать ме-

линитом и устанавливать трубку образца восемьдесят четвертого года, усилив в ней пружинку ударника, согласно полученным рекомендациям из ГАУ и Арткомитета. Говорят, что этот способ предложил капитан Рдултовский, который учится в Михайловской артиллерийской академии?! – Гродеков вопросительно посмотрел на меня.

– Николай Иванович, эту фамилию слышал. Но я не могу объять необъятное. Великий князь Сергей Михайлович, можно сказать, сейчас революционно переделывает работу ГАУ, Арткомитета и даже Морского технического комитета по вопросам артиллерии. Переход на тротил и мелинит в снарядах – это полностью его заслуга. Обуховские гаубицы калибром в сорок восемь линий с фугасной бомбой и бризантной гранатой с зарядом из тротила также продавил он.

– Насколько я знаю, раньше великий князь был приверженцем французской доктрины одного калибра, одной пушки и одного снаряда? – с каким-то подтекстом спросил Николай Иванович.

– Все течет, все меняется. Кстати, трехдюймовая горная скорострельная пушка, которая стала поступать в Маньчжурский военный округ после принятия на вооружение русской армии, также заслуга Сергея Михайловича. Гористый театр войны требует наличия современной артиллерии, – ответил я. – А опыт боевых действий во время боксерского восстания показал, что ихэтуани и китайские войска легко приспособлялись к обороне селений глинобитные

стенки, оставаясь за ними, как и в окопах, в полной безопасности от нашей шрапнели. Поэтому вопрос принятия на вооружение фугасного и брзантного снарядов к полевым и горным пушкам прошел в Главном артиллерийском управлении без особых препон, – нейтрально ответил я.

– Особенно, если ты можешь попасть под статью «промышленный саботаж», – усмехнулся, а потом рассмеялся Гродеков, причем так заразительно, что я его с удовольствием поддержал.

– Николай Иванович, если бы вы знали, как теперь быстро решаются вопросы, которые раньше рассматривались годами, – произнес я, после того как мы перестали смеяться.

– Тимофей Васильевич, на пробитии туннелей на Кругобайкальской железной дороге сейчас отбывает каторгу много представителей известных аристократических фамилий...

– Вы это осуждаете, Николай Иванович? – перебил я генерал-губернатора и жестко посмотрел на Гродекова.

– Нет, Тимофей Васильевич. Судебные процессы подробно отображались в газетах. Это страшно...

– Поверьте, там было отображено не все. Полную правду писать было нельзя. Это вызвало бы социальный взрыв, – тихо произнес я.

– Настолько все плохо? – спросил Гродеков.

– Да, Николай Иванович. Народ сейчас жаждет перемен. Крестьяне, рабочие, буржуа, аристократы, каждый социальный слой ждет своих перемен. Во многом глупых, недал-

новидных и взаимно исключают друг друга. Но это и не важно... – я, как совсем недавно Гродеков, грустно улыбнулся и продолжил: – Вы думаете, что все они отдают себе отчет о последствиях своих желаний? Нет. Они просто хотят перемен. Им нужно хлеба и зрелищ, как и в Древнем Риме. Эти желания, в конце концов, и погубили Римскую республику.

– Но мы-то не республика, – тихо произнес генерал-губернатор.

– Николай Иванович, информация о том, что великий князь Владимир Александрович хотел принять конституцию и ввести парламентскую монархию по английскому подобию, к сожалению, ушла в массы, – я, как штабс-капитан Овечкин из фильма «Корона Российской империи, или Снова неуловимые» дернул головой. – Промышленники, купцы, да и многие аристократы, можно сказать, возбудились. У них есть деньги, но нет власти. А тут есть возможность желаемую власть получить.

Я сделал небольшую паузу, вспоминая несколько бесед на эту тему с императором в узком кругу, и продолжил:

– Если же к большим деньгам и желанию власти подкинуть революционную идею типа «свобода, равенство, братство», то получится такая гремучая смесь, которая может быстро разорвать российское самодержавие.

– И что думает государь по этому поводу? – поинтересовался генерал.

– Император понимает, что самодержавная система вызы-

вает ту или иную степень протеста – осознанного или неосознанного, – но во всех слоях населения. Отсюда возникли либеральная оппозиция и российский социализм в двух его основных вариантах: народническом и марксистском, – я провел языком по пересохшему небу. – Иначе и быть не могло: если слой образованных людей не находит естественного применения своим способностям к лидерству и управлению, то из его представителей начинает складываться антисистемное сообщество, руководствующееся постулатами, изначально противоположными существующей государственности. Стоит ли удивляться, что это «прогрессивное» сообщество взяло на вооружение «самые передовые» социальные теории и занялось поиском не только легальных, но и нелегальных способов воплощения их в жизнь. В такой ситуации нет никаких гарантий, что в критических обстоятельствах их доктрины не начнут резонировать с народными утопиями и предрассудками.

– Это слова государя? – перебил меня удивленный Гродеков.

Нет. Это я почти дословно цитирую Петра Бернгардовича Струве, который подготовил для императора аналитическую записку по этому вопросу.

– И какой окончательный вывод сделал Петр Бернгардович?

– Кратко: если процесс нельзя остановить, его нужно возглавить. И государь, вернее всего, очень скоро сделает об

этом заявлении, – ответил я.

Николай Иванович внимательно посмотрел на меня и задумался. Я же стал ждать, что он скажет.

– Неужели нас ждет парламентская монархия? – наконец потрясенно произнес Гродеков.

– Скорее дуалистическая, в которой юридическим способом ограничения власти монарха является Конституция, – усмехнулся я. – В ней будет проведено разграничение власти парламента, точнее, Государственной думы, монарха и министерств. Конституция будет обязывать государя исполнять решения думы, но при этом министры ответственны только перед самим монархом и им же назначаются или смещаются, а его указания обязательны к исполнению так же, как и одобренные Государственной думой и Государственным советом законы. Обязанность монарха подчиняться парламенту в законодательной сфере обеспечивается правом парламента вотировать бюджет. Зато монарх может наложить вето на решения думы, а также распустить ее.

– Боже мой, какие же потрясения ждут Россию-матушку, – задумчиво проговорил генерал-губернатор.

– Николай Иванович, не так страшен черт, как его малюют. Вспомните боярскую думу, где бояре, споря, таскали друг друга за бороды. Неужели вы думаете, что когда в Государственной думе соберутся представители от всех сословий, они смогут о чем-то договориться. Да это будет цирк с песнями и плясками. Зато и пар социального недовольства

стравим, и государь всегда сможет оправдаться перед населением Российской империи за любой промах, кивая на думцев. Тем более среди них найдутся и нормальные люди, которые будут действительно думать о том, как сделать так, чтобы наше государство процветало, – закончил я фразу, а про себя подумал, что таких будут единицы.

Ну а за остальными мы внимательно присмотрим. И картотеку заведем, и связи все отработаем. Николай, несмотря на противодействие консерваторов, намеревался объявить о Конституции в этом году, после того как ее статьи до конца доработают.

– Ваши слова, Тимофей Васильевич, да богу в уши, – уже улыбаясь, произнес Гродеков. – Цирк и песни с плясками?! А, вернее всего, так и будет. Но мы отвлеклись. Давайте вернемся к нашим вопросам.

Дальше последовал обстоятельный доклад Николая Ивановича по каждому объекту обороны. Не были им забыты и вопросы снабжения. Кроме артиллерийских мастерских под руководством генерал-губернатора в начале этого года был введен в строй комплекс Минного городка, который должен будет снабжать минами Владивостокскую эскадру крейсеров и флотилию малых кораблей – миноносцев, канонерских лодок, минных заградителей, силами которых на подходах к городу во время войны будут выставлены минные заграждения.

С особой гордостью Гродеков рассказал о новом оборудо-

вании, закупленном в САСШ для механического завода, которое с учетом плавучего и сухого дока позволяло осуществлять судоремонт любой степени сложности.

Там как раз, по словам Гродекова, был закончен ремонт крейсера «Варяг». Построенный в Филадельфии на верфях William Cramp and Sons, корабль в одна тысяча девятьсот первом году вступил в состав флота Российской империи и базировался в Порт-Артуре.

– А что ремонтировалось на крейсере, Николай Иванович? Корабль-то новый, – поинтересовался я.

– Что-то с котлами. По словам капитана Руднева, «Варяг» не может дать скорость больше четырнадцати узлов при возможных двадцати четырех с половиной, которые он показал на ходовых испытаниях. Из-за того что сухой док в Порт-Артуре был занят, крейсер отправили на ремонт сюда. Завтра пройдут испытания корабля после ремонта. Если все пройдет хорошо, в чем я не сомневаюсь, то «Варяг» потом уйдет в Порт-Артур, – обстоятельно ответил Гродеков.

«Руднев! Врагу не сдастся наш гордый ”Варяг”», – промелькнуло в голове, вслух же я произнес:

– Какое замечательное совпадение. Надеюсь, что Всеволод Федорович подкинет меня по дороге до Мозампо.

– Боюсь, на это придется получить разрешение морского ведомства. Япония очень резко реагирует на заходы в этот корейский порт русских военных кораблей. Как говорил маркиз Ито: «Мозампо – это Гибралтар Корейского проли-

ва, потерять его – значит потерять всю Корею», – несколько виновато произнес генерал-губернатор.

– Вы правы, Николай Иванович, не будем дразнить гусей, – произнес я, подумав про себя, что как мальчишка поддался порыву лично познакомиться с Рудневым и побывать на борту знаменитого «Варяга».

Кто из советских пацанов в мечтах не видел себя на мостике крейсера во время его героического боя. Я, во всяком случае, мечтал. Но для моей миссии путь из Владивостока до Мозампо лучше проделать с меньшей помпой.

– А какие у вас дела в Мозампо, Тимофей Васильевич? – не удержался от вопроса генерал-губернатор.

– Надо подальше от чужих глаз передать для поверенного в делах дипломатической миссии в Сеуле Евгения Федоровича Штейна кое-какие бумаги для переговоров с корейской стороной по поводу строительства железной дороги Сеул – Ыйчжу, – доверительно ответил я Гродекову. – С помощью этой дороги мы в случае войны сможем быстро перебросить наши войска от реки Ялу в центр Кореи.

– Не думаю, что император Коджон пойдет на это. Да и японцы будут сильно возражать, – задумчиво произнес Николай Иванович.

– Император Кореи уже отказал. Но теперь Евгений Федорович должен будет предложить Коджону продать концессии на сооружение этой дороги россиянину барону Гинцбургу, проект которого предусматривает строительство дороги на

концессионных началах с правом выкупа ее Кореей по истечении определенного срока, – выдал я еще одно прикрытие своего нахождения в Мозампо.

– Понятно, – генерал-губернатор погрузился в размышления и через несколько секунд произнес: – Не думаю, что и этот вариант пройдет. Но, как говорится, чем черт не шутит. Значит, Тимофей Васильевич, ваш дальнейший путь из Владивостока в Мозампо?

– Да, ваше высокопревосходительство. Но об этом лучше не распространяться. Поэтому вариант с «Варягом» и отпадает. Найдем менее заметную оказию.

Решим вопрос, Тимофей Васильевич, не беспокойтесь.

– Спасибо, – я сделал паузу. – Николай Иванович, извините, но у меня один вопрос возник. Каким образом, вы все это умудрились построить? Насколько я знаю, финансирование Владивостока и Приамурья шло по остаточному принципу. А здесь даже новое оборудование для судоремонтного завода в Штатах закупили...

– Ох, Тимофей Васильевич, лучше и не спрашивайте. Служит у меня начальником инженеров Владивостокской крепости полковник Жигалковский Вацлав Игнатьевич. Отличный инженер и архитектор. По его проектам в Никольск-Уссурийске построены Преображенская церковь на кладбище, а потом – великолепный Николаевский собор. Это самый большой храм Приамурья, рассчитанный на две тысячи молящихся, – Гродеков перекрестился. – Представ-

ляете, Тимофей Васильевич, после первой торжественной службы благодарные прихожане преподнесли Вацлаву Игнатьевичу икону, а епископ Евсевий его благословил. Это была, пожалуй, наивысшая честь, которая могла быть оказана в православном храме католику. Н-да...

Я, наложив на себя крест вслед за генерал-губернатором, вопросительно посмотрел на него.

– Увлёкся немного. Так вот, полковник Жигалковский, понимая, что при почти полном отсутствии в регионе рынка строительных материалов, способного обеспечить строительство подобного масштаба всем необходимым: песок, цемент, щебень, лес и такое прочее, – можно сказать, создал этот рынок. Ссужал деньги подрядчикам, открывал на подставных лиц различные фирмы по заготовке и производству необходимых для строительства материалов, являясь их реальным владельцем. В результате он фактически объявлял конкурсы и отдавал подряды сам себе, что позволило ему регулировать цены на поставки. С одной стороны, все это может быть квалифицировано как множественные злоупотребления, направленные на личное обогащение полковника, – Гродеков развел руки. – Но с другой... Фортификационные сооружения построены в срок, качественно и по цене в два-три раза ниже их сметной стоимости, заложенной в проектной документации.

– А проектную документацию также он разрабатывал? – спросил я, улыбаясь, вспомнив один рассказ своего одно-

классника из прошлого-будущего.

Петр, с которым я просидел за одной партой девятый и десятый классы, пошел по другой стезе. И когда я вышел на пенсию, занимал во Владивостоке должность начальника налоговой инспекции. Во время одной из наших встреч-посиделок за рюмкой чая поведал о своем завхозе, который заявился к нему с требованием: «Петр Андреевич, ты мне или зарплату повышай, или давай построим еще чего-нибудь». За несколько дней до этого завхоз как раз закончил строительство трех гаражей для ведомственных машин.

Нет, Тимофей Васильевич, серьезно ответил генерал-губернатор. – Проекты в основной массе разрабатывались даже не местными инженерами, а столичными. Причем если по их проектам на фортах для удешевления предполагалось выполнять в бетоне только своды и стены, которые будут подвержены прямому обстрелу, а все остальное делать из более дешевой каменной кладки, то полковник Жигалковский из бетона построил все. Более того, при периодических задержках финансирования работ Вацлав Игнатьевич использовал на строительство крепости свои собственные деньги, полученные в качестве прибыли от его предприятий, что позволяло не останавливать работы. Оборудование для завода, кстати, закуплено также на его деньги.

Я сидел и тихо охреневал от такой информации. Видимо, Жигалковский какой-то гений от финансов и производства. Совместить получение прибыли и при этом минимум дву-

кратную экономию средств почти по всем позициям, а также высокое качество возведенных объектов – это что-то небывалое в строительной практике.

– В общем, я закрываю на это глаза и только жду финансов из столицы, чтобы расплатиться со своим начальником инженеров. Вот такая вот коллизия. Не знаю, то ли под суд отдавать, то ли орденом награждать, – весело усмехнулся Гродеков.

Я бы к ордену представил, Николай Иванович, – серьезно произнес я.

– Уже направил наградной лист на Владимира четвертой степени, – рассмеялся генерал-губернатор, а успокоившись, продолжил: – Вацлав Игнатьевич для защиты от одиннадцатидюймовок, которые есть на вооружении японской армии, под долговременными укреплениями проекта девяносто девятого года и под фортами на высотах Седанки построил подземные убежища пещерного типа, вырубив их в скалах. И все сверх сметы. Вот так!

– Да-а-а... Даже и не знаю, что сказать. Повезло Владивостокской крепости, что у нее такой начальник инженеров.

Вы правы, Тимофей Васильевич. И крепости повезло, и мне повезло. Не оскудела еще земля русская талантливыми людьми. Кстати, нашелся еще один талант – подполковник Колобов Михаил Викторович, начальник штаба Заамурской железнодорожной бригады. Еле-еле его у адмирала Алексева выпросил на три месяца.

– Что же предложил или сделал господин полковник? – поинтересовался я, когда Гродеков сделал паузу.

– Правление КВЖД для передвижения по дороге при непрекращающихся нападениях банд ихэтуаней и хунхузов разработало два года назад проект блиндированного поезда. По нему на Путиловском заводе были изготовлены металлические части для бронирования пятнадцати платформ и пяти паровозов. Когда их доставили в Маньчжурию, военные действия уже закончились, и металлические части сдали за ненадобностью на склад. Хотя, независимо от этого проекта, в пассажирских поездах, следовавших по КВЖД и участку Транссиба вблизи китайской границы, нижняя часть до окон пассажирских вагонов первого класса была покрыта противопульной броней. При обстреле поездов повстанцами пассажирам предлагалось лечь или садиться на пол вагонов, – генерал-губернатор несколько раздраженно махнул рукой. – Опять я увлекся. В общем, Михаил Викторович с учетом надвигающейся войны предложил очень интересный проект блиндированного поезда и передвижной батареи береговых орудий. Я договорился с Евгением Ивановичем, и тот передал мне со складов все полученные для КВЖД металлические части для бронирования и автора проекта. Завтра блиндированный поезд «Заамурец» из артиллерийский мастерских выйдет для первых испытаний.

Глава 3

Старые знакомые

Я смотрел на блиндированный поезд «Заамурец» и испытывал дежавю. Особенно острым это чувство стало после проведенной подполковником Колобовым экскурсии по бронепоезду. Перед глазами как бы всплывали кадры фильма, которые я смотрел в детстве в прошлом-будущем. То ли «Александр Пархоменко», то ли «Армия Трясогузки». Но в любом случае этот бронепоезд внушал уважение.

Боевой железнодорожный состав состоял из двух одинаковых двухосных бронеплощадок, бронепаровоза серии Ов с тендером и командирского вагона, защищенных полудюймовой броней. Внутренний объем бронеплощадки разделялся на пулеметный каземат и башенную орудийную установку. В первом на особых столах устанавливалось двенадцать пулеметов Максима по шесть на борт.

Удивило, что Михаил Викторович озаботился об охлаждении пулеметов, для чего имелась специальная водопроводная система с подачей воды из тендера к кожуху каждого пулемета.

Для увеличения сектора обстрела пулеметов были оборудованы специальные спонсоны в стенках броневагона. Боекомплект, состоявший из полуторы тысячи патронов на пу-

лемет, хранился в специальных бортовых ящиках.

Артиллерийская башенная установка располагалась в передней части вагона и монтировалась на поворотном круге, который позволял вести обстрел из горной трехдюймовки по горизонту на двести двадцать градусов.

Чтобы всю орудийную установку массой в сто двадцать пудов мог поворачивать вручную один человек, Колобовым была разработана конструкция специальной пяты, игравшей роль оси вращения и в то же время принимавшей на себя часть массы установки. Возимый боекомплект на орудие составлял восемьдесят шрапнелей и тридцать бризантных гранат. Размещался он в особой камере под поворотным кругом.

Наблюдение за полем боя осуществлялось из специального фонаря, который можно было назвать «командирской башенкой» с круговым обзором. В полу вагонов имелись люки для аварийного выхода. Система отопления бронеплощадок зимой состояла из дюймовых труб, проложенных вдоль бортов и соединенных с котлом паровоза. Для уменьшения теплопроводности стальных стен и шумоизоляции вагоны изнутри были обшиты пробкой и фанерой. Была предусмотрена принудительная вентиляция. Изнутри бронеплощадки и вагон были окрашены в белый цвет, снаружи, как и весь состав, в серый. Самые распространенные цвета на флоте.

В командирском вагоне находился боевой пост командира бронепоезда с наблюдательной башенкой и распределитель-

ной доской сигнализации цветными лампочками для связи с командирами бронеплощадок. Она дублировалась и звонковой связью.

Наблюдение за ходом движения состава осуществлялось через четыре люка, которые в бою закрывались ставнями с прорезями. Для удобства обслуживания ходовой части нижние листы брони подвешивались на петлях. Все воздушные и водяные рукава между платформами и паровозом заключались в особые броневые трубы.

В командирском вагоне также располагался, я бы его назвал, десантно-ремонтный взвод. Вся команда бронепоезда состояла из трех взводов: пулеметного, артиллерийского, технического и паровозной бригады, всего четыре офицера и девяносто нижних чинов. В общем, вундервафля получилась просто огонь.

– Что скажете, Тимофей Васильевич? – спросил меня Гродеков.

– Просто великолепно, ваше высокопревосходительство. Такой железный таран, идущий на острие атаки при захвате железнодорожных мостов, узловых станций... – Я посмотрел на подполковника Колобова, который расплылся в довольной улыбке. – Я бы еще посоветовал пустить впереди платформу с запасом рельсов, шпал, а сзади пристроить мощный небронированный паровоз для быстрого передвижения бронепоезда вне зоны боевых действий, к которому можно заодно несколько простых вагонов прицепить для перевозки

солдат и платформы с теми же трехдюймовками. Бронепоезд пошел на прорыв, а пара рот и батарея трехдюймовок его прикрывают вдоль полотна.

– Разрешите, ваше высокопревосходительство, – произнес Колобов и, дождавшись разрешающего кивка генерала, продолжил: – По поводу платформ с рельсами, шпалами и даже колесными парами мы думали, но вот про дополнительный паровоз и сопровождение...

– Михаил Викторович, во время службы в военно-ученом комитете я изучал применение блиндированных поездов в англо-бурской войне. Буры быстро научились противодействовать таким поездкам, пускай и из засад. Они повреждали пути впереди и позади состава, после чего расстреливали неподвижный поезд из орудий. После этого я пришел к выводу, что поезду необходимо прикрытие. Минимум рота и пара орудий. В засаде они мало помогут, но вот поддержать атаку бронепоезда могут вполне.

– Тимофей Васильевич, вы уже второй раз употребляете слово «бронепоезд», а не «блиндированный поезд». Почему? – перебил меня Гродеков.

– Ваше высокопревосходительство, я вижу перед собой полностью закованный в броню состав. Вот и... В общем, как-то само на ум пришло слово «бронепоезд», – несколько смущенно ответил я.

Для меня-то словосочетание «блиндированный поезд» звучало менее привычно, но к нему я уже привык. Здесь же,

увидев этот состав, сам не заметил, как автоматически назвал его бронепоездом.

– Хм-м, бронепоезд, – чуть ли не по буквам произнес Николай Иванович. – А что? Звучит лучше, чем блиндированный поезд. Чувствуется какая-то мощь и натиск. И скоро у нас будет три таких бронепоезда. Не так ли, Михаил Викторович?

– Так точно, ваше высокопревосходительство. Это мы с «Заамурцем» долго провозились. Все-таки первый раз собирали. А «Приморца» и «Забайкальца» сделаем быстро. Только вот как с командами для них быть?! – Колобов тяжело вздохнул.

Да, проблема с личным составом стояла очень остро. Она была одной из причин, которые требовали начать войну осенью этого года. Мобилизованные для Китайского похода войска до сих пор находились в Маньчжурии, и среди них начиналось брожение. Особенно были недовольны льготные казаки строевого разряда и запасники, которые уже третий год были оторваны от своих семей. Их надо было возвращать по домам.

Среди сибирских и забайкальских полков сорок процентов подразделений подлежали демобилизации, так как официально военные действия в Китае прекратились. На флоте же более четырех тысяч нижних чинов, самых подготовленных и профессионально обученных, по осени должны были быть списаны на берег из-за окончания срока службы. Так

что проблема была еще та!

Вопросов и проблем было великое множество. Вчера, например, Николай Иванович сообщил мне, что от военно-морского агента в Японии капитана Русина пришли сведения о том, что в конце июля из Сасебо ушел британский пароход с группой японских морских офицеров и унтер-офицеров, входивших ранее в экипажи устаревших броненосцев «Фусо» и «Чин-Иен», а за ним – еще один с такими же пассажирами. Это позволяет предположить, что англичане начали передачу Японии броненосцев типа «Маджестик» с целью формирования второго полноценного броненосного отряда.

Активизировалась японская разведка. Нехватка русских строителей и массовое привлечение к строительным работам китайцев удручающе сказывались на секретности. Для большинства русских китайцы, корейцы и японцы были на одно лицо. В январе этого года пара курсантов из первого выпуска Аналитического центра, которых направили в общей группе к Тифонтаю, по прибытии во Владивосток для проверки полученной информации обнаружили, что на полуострове Назимова в отвесной скале, на которой располагались две береговые батареи, сделаны замаскированные выемки, позволяющие незаметно подняться к укреплениям.

Лаз уничтожили, но блокировать шпионскую деятельность просто не хватало сил и опыта. Тем более значительную долю населения крепости составляли китайцы, корейцы

и японцы, а контрразведчиков и жандармов кот наплакал. Проведение ревизии данной работы во Владивостоке, а потом в Порт-Артуре также было одной из задач, нарезанных мне императором.

Так что, поучаствовав в испытаниях бронепоезда, а также ознакомившись с наработками Колобова по созданию передвижной железнодорожной батареи из четырех шестидюймовок Канэ, на следующий день я отбыл во Владик.

Прибыв в город, смог найти место только в гостинице «Дальний Восток». Мест в «Тихом океане» и «Золотом Роге», несмотря на кусачие цены, просто не было. На следующее утро посетил почтамт, где на мое имя была корреспонденция от курсанта-агента Маклера, который последние полгода занимался посредническими операциями с недвижимостью. Ему я заранее из Хабаровска отправил телеграмму о своем прибытии, разумеется, в зашифрованном виде. Его ответ также был закодирован.

Установленный порядок в российской армии, когда офицеру практически всегда предписывалось носить форму, приводил к определенным ограничениям. Поэтому необходима была конспиративная квартира, где я мог бы принять новую личину. Не обо всех моих делах должны были знать официальные службы.

Переодевшись на квартире в подготовленное агентом партикулярное платье, отправился на место встречи в общественные бани Антипаса, которые являлись своеобразным

развлекательным центром Владивостока, где помимо самих бань можно было посмотреть восточные танцы, исполняемые китайскими и корейскими танцовщицами.

После парной, помывки и массажа расположился в небольшом отдельном кабинете, откуда была видна что-то типа танцевальной площадки, на которой под восточную музыку танцевали девушки в китайской одежде, заказал чаю. Распорядительный слуга принес заварной чайник с чашкой, ловко налил чая и удалился.

Я, достав часы, откинул крышку и посмотрел на циферблат. Маклер задерживался. Положив часы в карман и отодвинув в сторону чашку, задумался. Что-то не нравилась мне сложившаяся ситуация, а больше мое физическое состояние. Сознание как-то плыло, и по всему телу накатывала слабость, сковывая движения.

«Черт, что же это такое?! – пронеслось в голове, и я откровенно запаниковал. – Неужели шуточки в стиле Ли Джунг Хи?!»

Во время массажа я почувствовал несколько более сильных точечных нажатий рядом с позвоночником, но не придал этому значения. Тем более что после процедуры спокойно помылся, оделся и дошел до кабинета. Да и массировал меня мужик с явно рязанской физиономией и шикарнейшей бородой.

Между тем сознание ускользало. Я попытался встать, но ни ноги, ни руки меня не слушались. Хотел крикнуть, но гор-

ло охватил какой-то спазм. Попытался схватиться за край скатерти и упасть со стула. Но тело меня не слушалось.

«Попался, гвардии подполковник», – это была последняя мысль, прежде чем я провалился в темноту.

Сознание всплывало какими-то отрывками. Шершавый язык, вздох, который наждаком прошелся по легким. Взгляд не хотел фокусироваться, а слезы текли сами собой.

– Вижу, господин полковник, приходите в себя, – услышал я на чисто русском языке. – Поздравляю с возвращением в этот мир.

Прошло еще какое-то время, прежде чем я смог рассмотреть, где нахожусь, и более-менее прийти в себя. Обстановка явно не радовала. Какая-то комната с саманными стенами без окон, земляным полом, без потолка и с крышей из соломы. Стол, на котором стоял подсвечник с тремя горящими свечами, дававшими рассеянный свет. Я попытался на них сфокусировать взгляд, но слезы этого не позволили сделать.

– Минут через пять придете в себя, – вновь услышал я где-то сбоку. – У вас сильный организм.

Я отрешился от всего и попытался глубоко вздохнуть. Где-то с третьей или четвертой попытки мне это удалось.

– Удивлен, – вновь услышал я. – Впервые вижу гайдзина, умеющего правильно дышать.

Ушло где-то минуты три, а может быть, и больше, пока я окончательно пришел в себя и смог как следует осмотреться. Полученная картина и ощущения не радовали. Я сидел на

стуле посередине небольшой комнаты, ноги мои были привязаны к его передним ножкам, руки были связаны за спинкой, но очень грамотно, чтобы не нарушить кровоток. На столе кроме подсвечника со свечами на полотенце был заботливо разложен набор инструментов, который можно было бы назвать медицинским, но я не стал себя успокаивать похожестью.

– Вижу, что пришли в себя, господин полковник Аленин-Зейский, начальник Аналитического центра и советник российского императора. Поговорим?!

– Слушаю вас, – с трудом ответил я.

Во рту пересохло, точнее, была пустыня, но из рук того, кто говорил за моей спиной, не принял бы и капли влаги.

Признаюсь, давно мечтал с вами поговорить. Человек, который делал вам массаж, из айнов. Его обучили специальной методике воздействия на определенные точки тела. По слухам, вы также имеете знания и практику в этой области. Это так?! – в полосу света от свечей вышел сухощавый японец лет тридцати-тридцати пяти, одетый в строгий костюм черного цвета. – Что же вы молчите, Тимофей Васильевич?

Японец наклонился, не мигая, стал смотреть мне в глаза, будто гипнотизируя. Потом выпрямился и, приняв строевую стойку, с насмешкой в голосе произнес:

– Извините, господин полковник, забыл представиться. Капитан японского Генерального штаба Наито Тоширо, по совместительству хозяин фотоателье «Японская фотогра-

фия» на Китайской улице города Владивосток.

«Писец котенку, точнее, мне пришел полный и окончательный писец. После такого признания в живых не оставляют. Да и видел я его», – пронеслось у меня в голове, и я начал настраиваться на долгую и мучительную смерть.

– Вижу, что вы все поняли, Тимофей Васильевич. Скрывать не буду. Вас ждет смерть, но перед этим мы будем долго и обстоятельно беседовать. И наш диалог состоится, даже если вы не захотите отвечать на мои вопросы. Поверьте, у нас в этом городе есть специалист, который развязывает язык любому упрямцу, – Наито добродушно улыбнулся. – Я долго прожил среди русских и изучил ваши обычаи. Пока не начался наш специфический диалог, могу удовлетворить ваше последнее желание. Смелее, господин полковник, если смогу, то постараюсь выполнить вашу просьбу. Нельзя же отказать человеку, который награжден моим императором орденом Восходящего солнца четвертой степени. Поверьте, мне искренне жаль, что мы стали врагами.

Понимая, что японец красиво с точки зрения психологии выстраивает взаимодействие со мной, тем не менее не удержался и спросил:

– Каким образом вам удалось подвести меня под массажиста?

– И это последнее желание?

Да.

– Все-таки прав был Достоевский, говоря о загадочной

русской душе. Не смотрите на меня так удивленно, господин полковник, я читал Федора Михайловича и Льва Николаевича Толстого читал, чтобы лучше разобраться в мотивах поведения русских людей. Хорошо, удовлетворю ваше любопытство. Нам известно о ваших отличных боевых навыках, которые позволили вам пережить уже пять покушений. Известно и о вашей постоянной настороженности. Вы даже во время массажа держали под подушкой вот этого малыша, – японец достал из кармана мой Galand Tue Tue. – Но то, что на тело человека можно точно воздействовать с такими последствиями, вы не могли знать. Это очень старое и секретное искусство. Даже в Японии об этом знают немногие.

– Вы так и не ответили на мой вопрос, – прервал я Наито. Японский шпион недовольно поморщился.

– Что же, раз вы так хотите, то буду краток. Вы были в дороге долгое время и, попав в баню, вряд ли отказались бы от парной и массажа. К азиату вы бы на стол не легли, но наш массажист выглядит как русский и прекрасно говорит на вашем языке. Он даже русский паспорт имеет, – японец с каким-то превосходством посмотрел на меня. – Осталось только заманить вас в баню. И в этом нам помог ваш агент Маклер, или коллежский секретарь Артемьев Петр Владимирович.

«Вот это уже полный провал», – с какой-то безнадежностью подумал я.

– Не подумайте о нем плохо, Тимофей Васильевич. Нам

пришлось его уговаривать почти сутки. Не ожидал такой стойкости и презрения к смерти от гайдзина. Он вел себя как настоящий самурай. Но наш специалист смог его сломать, – Наито замолк и с каким-то сожалением посмотрел на меня. – Понимаете, Тимофей Васильевич, в Японии опыт тайной добычи информации и противодействия этому имеет многовековую историю, и не гайдзинам мериться с нами силами на этом поприще. Ваш агент был осторожен, но все равно попал в наши сети. Да, он действовал куда лучше, чем люди полковника Лаврова из разведочного отделения Главного управления Генштаба, который был создан в России год назад, но все равно по-дилетантски. Специфику Востока надо больше учитывать. Кстати, по поводу курсов в вашем центре мы также поговорим очень подробно. Петр Владимирович пока к общению не способен, но о нем заботятся. Так что через пару дней мы сможем сравнить ваши показания.

«Это уже не полный провал. Это катастрофа. Язык, что ли, себе попробовать откусить, как мистер Уоллер», – с этой мыслью я с содроганием начал зубами ощупывать свой язык.

В этот момент раздался стук в дверь.

– Все! Я ваше последнее желание выполнил. А это пришел наш специалист. Так что сейчас и начнем наш диалог, – японец, развернувшись кругом, подошел к двери и что-то спросил.

В этот момент я будто бы в замедленной съемке увидел, как на двери стали появляться отверстия и полетели щепки.

Наито, завалившись вбок, упал. Его ноги пару раз дернулись, после чего японец затих.

Мощный удар в дверь, после чего она вместе с засовом и петлями влетела в комнату, а на пороге возникли трое маньчжуров с револьверами в руках. Один из них подошел ко мне и на хорошем английском языке произнес:

– Господин полковник, меня просили передать вам следующие слова: «Могила двадцати тысяч сохранивших верность».

Я с облегчением выдохнул, не заметив, как до этого задержал дыхание. Это были люди Тифонтая.

Китаец быстро перерезал веревки ножом, который будто из воздуха появился у него в руке.

– Идти сможете?! Нам здесь не стоит задерживаться надолго, – поинтересовался мой спаситель.

Я с трудом встал со стула. Тело основательно затекло, но слушалось меня. Прodelав быстро несколько упражнений, разгоняя кровь, почувствовал, что полностью восстановился.

– Я готов, – решительно произнес я.

– Следуйте за мной, – лаконично произнес китаец и двинулся к двери.

Его товарищи уже покинули комнату. Проходя мимо убитого японца, я быстро наклонился к нему и достал из кармана мой Galand Tue Tue, а заодно убедился в том, что Наито точно мертв. Мой спаситель проследил за моими действия-

ми, но ни слова не сказал. Лишь кивнул головой, поторапливая.

Выйдя из комнат, проскочили небольшой коридор и вышли в какой-то внутренний двор, который образовали лепившиеся друг к другу фанзы. Вошли в дверь другого здания, и, пройдя его насквозь, я по дороге отметил еще пару трупов. Потом оказались на улице. Пересекли ее и нырнули в подворотню. Еще несколько проходных дворов, и мы оказались в небольшой комнате какого-то двухэтажного здания из красного кирпича.

– Вам надо переодеться, потом пойдем дальше, – так же кратко и невозмутимо произнес китаец, кивнув головой на китайскую одежду, лежавшую на каком-то лежаке, который, видимо, был спальным местом.

– Где мы? – быстро раздеваясь, спросил я.

– На Миллионке, – одним словом ответил мой спаситель.

Да, знаменитая владивостокская Миллионка, расположенная практически в центре города, в десятке минут ходьбы от основных отелей. Кварталы, из которых городские власти упорно пытались выселить китайцев с буквально захваченного ими места, но, несмотря на постановления думы, усилия чинов полиции и даже указания генерал-губернатора, сделать это не удавалось. Миллионка получила название от вроде бы «миллиона» китайцев, находящихся здесь пристанище. Хотя жили тут и корейцы, и японцы, и греки, и малоимущие русские, и вообще бог знает кто.

Выглядела Миллионка колоритно и жутковато: разномастные здания из глины и кирпича, опоясанные подвесными галереями, стояли буквально вплотную. Проходные дворы, воздушные мостки-переходы, огромные подвалы и подземные ходы позволяли войти в одном месте и выйти совершенно в другом, а при необходимости можно было не показываться вне Миллионки неделями и месяцами. Здесь было все, что нужно для жизни: харчевни, лавочки, бани, прачечные, парикмахерские; уличные портные, спекулянты и целители. Можно было купить фальшивый паспорт, убить время за азартными играми, потратить деньги на дом терпимости или на опиум, даже посетить китайский театр. При этом Миллионка жила еще и своей, скрытой от посторонних глаз жизнью, в которую посторонним хода не было.

Но главной ее особенностью, наверное, был запах, которым я уже успел надышаться. В нем перемешивались своеобразные ароматы китайской кухни: запах раскаленного соевого масла, поджаренного кунжута, сменявшийся рыбным духом, и вонь от выгребных ям и гниющих куч мусора, просто выброшенного на улицу. А еще непрерывный, оглушающий шум, который было слышно и сейчас в комнате: выкрики торговцев и зазывал, бормотание предсказателей судьбы, звуки барабанов и дудочек, взрывы петард, хохот людей, обычный разговор китайцев, больше похожий на ссору или выяснение отношений.

«Разыскать меня здесь не смогли бы, даже задействовав

весь гарнизон крепости», – подумал я, закончив переодевание и нахлобучивая на голову соломенную шляпу с опущенными полями, к которой изнутри была прикреплена натуральная коса из черных волос.

– Хорошо. Только голову не поднимай. Нам надо пройти еще немного, чтобы выйти из квартала, который контролируют японцы, – невозмутимо произнес китаец и направился на выход.

* * *

Начальник Владивостокской жандармской крепостной команды ротмистр Радиевский сидел за столом, бездумно рисуя карандашом какие-то узоры на листке бумаги.

Осенью прошлого года исполняющий должность коменданта Владивостокской крепости генерал-майор Дмитрий Николаевич Воронец провел инспектирование жандармской команды и выявил ряд существенных недостатков в организации ее службы. В своем докладе начальнику штаба Отдельного корпуса жандармов Дмитрию Петровичу Зуеву он указал на почти полное бессилие Владивостокской крепостной жандармской команды справляться с теми особыми задачами, которые на нее возложены, особенно в преддверии войны с Японией, когда город Владивосток и его окрестности дают приют множеству шпионов японской и английской секретной служб.

Помимо слабости личного состава немаловажной причиной низкой оценки деятельности команды, по мнению коменданта крепости, стали личные качества ее начальника ротмистра Гирилловича, которого Воронеж охарактеризовал вялым, нераспорядительным и мало подходящим к самостоятельной и ответственной должности начальника такой команды, которую является Владивостокская.

Приказом по ОКЖ от шестого ноября одна тысяча девятьсот второго года начальником Владивостокской крепостной жандармской команды был назначен ротмистр Радиевский, занимавший до этого должность начальника Хабаровского отделения жандармско-полицейского управления Уссурийской железной дороги.

«Господи, как же хорошо и спокойно было служить на прежней должности. Здесь же, что ни день, то какие-то проблемы и постановка задач, которые просто нереально выполнить. В гробу я видел такое повышение, – с тоской подумал Константин Константинович. – Хотя дважды уже отмечен "искренней высочайшей признательностью" императора. Так что следующий чин не за горами».

В январе этого года в город прибыла интересная парочка молодых людей, состоящих на службе в Министерстве императорского двора и уделов при кабинете его императорского величества, которых ротмистру представил лично комендант крепости и о которых больше не должен был знать никто из жандармской команды и других ведомств. А Радиев-

скому было приказано оказывать этим двум хватким ребятам всемерную помощь.

Именно они обнаружили, что на полуострове Назимова в отвесной скале вырублен лаз в виде ступеней, позволяющий незаметно подняться к укреплениям с двумя батареями. Информацию они сообщили, но о своем участии попросили умолчать. И все плюшки достались жандармской команде. А ротмистр получил первую высочайшую признательность.

В мае уже самостоятельно удалось задержать трех японцев – Окано Седзиро, Танака Синсаку и Усиронэ Мацутаро – во время составления ими чертежа Токаревой батареи. Однако задержанные не признали факта занятия разведкой, а обнаруженный чертеж выдали за рисунок владельца их столлярной мастерской Харагути Кинтаро, который это подтвердил, заявив, что это чертеж полок, которые ему хотели заказать в типографии Уссурийской железной дороги и который случайно остался в кармане его шубы, данной им Усиронэ в день его задержания. Раньше бы после такого объяснения задержанные были бы с извинениями отпущены, но не теперь. Следствие по делу этой арестованной четверки продолжалось.

Ротмистр с раздражением отложил в сторону от себя исчерканный листок и, придвинув новые дополнения к инструкции по действиям крепостных жандармских команд, начал читать: «Осуществлять надзор за постоянно проживающими в крепости и ее районе, а также приезжающими

на временное жительство, не пропускать беспаспортных и неблагонадежных. Выдавать всем проживающим и временно прибывающим особые билеты на право жительства в крепости и ее районе взамен изъятых удостоверяющих личность документов. При убытии из района крепости принадлежащие физическому лицу документы, хранящиеся у начальника команды, возвращать.

Собирать негласным путем точные и подробные сведения обо всех новых жителях крепостного района и о подозрительных личностях относительно их национальности, звания, общественного положения, деятельности, входящей и исходящей корреспонденции, политической благонадежности и цели прибытия в район. Вести списки рабочих и иностранцев, живущих в крепости и ее районе, регулярно сверяя их со сведениями полиции и жандармского управления».

«И кто это будет делать? Где я людей возьму?! Вся команда – я, вахмистр и десять унтер-офицеров. А по штату для крепости второго класса мне заместитель в офицерском чине положен и еще пятнадцать унтер-офицеров. А их нет!» Ротмистр откинулся на спинку стула и посмотрел в потолок.

Причиной раздражения была не инструкция, а то, что двое суток назад в городе пропал начальник Аналитического центра и личный эmissар государя полковник Аленин-Зейский, с которым Радиевский был знаком еще по службе в Хабаровске, когда расследовали дела по покушению на царевича.

Полковник Савельев, который в этом году сменил на посту начальника жандармско-полицейского управления Уссурийской железной дороги полковника Водо, три дня назад прислал телеграмму с просьбой-приказом оказать полковнику всемерную помощь и негласную охрану. Прибытие старого знакомого в крепость не афишировать.

Ротмистр лично встретил на вокзале полковника, но тот, сославшись на какие-то свои секретные дела, пообещал, что нормально пообщаются дня через два-три, вспомнив былое, и укатил на рикше к ближайшей гостинице.

Все было бы нормально, но сутки назад Радиевского на встречу вызвал один из той парочки служащих при кабинете его императорского величества. На конспиративной квартире он сообщил, что полковник Аленин-Зейский и второй агент, которого ротмистр знал под псевдонимом Маклер, в оговоренное время на связь не вышли и пропали.

Используя свои силы и информацию от второго агента с псевдонимом Купец, Константин Константинович, начал свое расследование, и его результаты были удручающими.

В гостиничном номере, где остановился Аленин-Зейский, кто-то провел негласный обыск, особо не заботясь, что это обнаружат. На конспиративной квартире, о которой сообщил Купец, нашли форму и оружие полковника. Опрос свидетелей привел в бани Антипаса, и там след обрывался. Маклера вообще никто не видел четверо суток.

– Вашбродь, там к вам китаец какой-то просится, – пре-

рвал воспоминания-размышления ротмистра вошедший в кабинет солдат из караула штаб-квартиры жандармско-полицейского управления.

– Что еще за китаец?! – раздраженно произнес Радиевский.

– Не могу знать. Станный он какой-то. По-русски хорошо говорит и просил передать на словах, что знает, где маклер, – пробормотал стрелок, умолчав, что получил от этого китайца серебряный рубль.

– Какой еще маклер?! – сорвался на крик ротмистр, но тут же замолчал. Глубоко вздохнув и выдохнув, спокойно произнес: – Быстро его ко мне.

Через несколько минут в сопровождении стрелка в кабинет, низко склонив голову, вошел китаец, одетый в более-менее опрятную одежду, с широкой соломенной шляпой на голове и холщовой сумкой через плечо.

– И что ты хотел мне сообщить, ходя? – спросил ротмистр, с удивлением рассматривая посетителя.

– Прикажете стрелку уйти, – раздался из-под шляпы знакомый Радиевскому голос.

Когда солдат после жеста ротмистра вышел из кабинета и закрыл за собой дверь, китаец снял шляпу, вместе с которой отделилась и коса, что заставило начальника крепостной жандармской команды выпучить глаза.

– Здравствуйте, Константин Константинович. Извините за внешний вид, но обстоятельства сложились не очень бла-

гоприятным образом, – перед взором Радиевского предстал пропавший эмиссар российского императора.

Глава 4

Операция «Цунами»

– Господин полковник, а... – ротмистр Радиевский завис, удивленно хлопая глазами.

– Константин Константинович, у вас телефонная связь с комендантом крепости есть? – задал я вопрос, пытаясь вывести начальника жандармской команды из ступора.

– Нет, – смог односложно ответить ротмистр.

– Тогда попрошу вас отправить к нему посыльного с просьбой прибыть к вам в кабинет как можно быстрее, – видя, что Радиевский все еще неадекватен, подошел к нему ближе. – Константин Константинович, вы меня слышите? С вами все хорошо?

– Господин полковник, все так неожиданно. Вы и в таком виде. А ваш агент сказал, что вы вместе с Маклером пропали, – начал мямлить ротмистр, но потом мотнул головой и, вытянувшись в струнку, четко произнес: – Господин полковник, со мной все в порядке. Что надо делать?!

– Отправьте к Дмитрию Николаевичу посыльного с просьбой срочно прибыть в ваш кабинет. Перед тем как посыльный будет передавать вашу просьбу, пускай он произнесет два слова – код цунами. Вы все поняли, ротмистр?! – я подпустил в голос металл.

– Так точно, господин полковник. Код цунами. После чего попросить прибыть ко мне в кабинет, – уже осмысленно ответил Радиевский.

– Вот и замечательно, Константин Константинович. И еще одна просьба: пускай из караула принесут чего-нибудь поесть. Лучше из их котла. Признаться, я почти двое суток не ел.

– Господин полковник, я сейчас закажу обед из ресторана. Полчаса, и все будет доставлено.

Не надо, Константин Константинович. Ни к чему лишние разговоры о том, что начальник крепостной жандармской команды кормит какого-то китайца обедом из ресторана. А вот солдатской пищей сойдет.

– А вы...

– Да, Константин Константинович, от вас я уйду все тем же китайцем. И о том, что я нашелся, еще пару дней, а может быть и больше, надо будет помолчать.

– Я все понял. Сейчас распоряжусь, – с этими словами ротмистр буквально выбежал из кабинета.

Я же направился к столу, где стояли графин с водой и посуда. Налив стакан, начал цедить воду мелкими глотками, но не выдержал и чуть ли не в один глоток допил. Тут же налил повторно, присел на стул и уже не спеша продолжил наслаждаться такой вкусной жидкостью, как обычная кипяченая вода. Почти двое суток я не только не ел, но и не пил.

Да, это время прошло весело. Баня, пленение, побег. По-

сле того как я переоделся в китайца, мы компактной группой двинулись дальше по дворам, переходам Миллионки, два раза через какие-то подвалы пробирались. Пока не попали в опиокурильню. Прошли через зал, где на нарах и лежаках размещались, находясь в нирване, в основной массе азиаты, но заметил и нескольких личностей европейской наружности. Откинув полог, протиснулись через длинный и узкий проход, после чего через скрытую в шкафу дверь оказались в богато обставленной комнате, представляющей собой что-то типа рабочего кабинета.

Двое маньчжуров вышли в другую, нормальную дверь, а тот, который отдавал приказания, снял соломенную шляпу, и я наконец-то смог его рассмотреть. Первое, что бросилось в глаза, его молодость. На первый взгляд, моему спасителю не было и двадцати пяти лет, но жесткий и пронзительный взгляд выдавал человека, который умеет повелевать.

Усмехнувшись, китаец, показав рукой на стулья за столом, произнес:

– Садитесь, господин полковник. Я говорю и понимаю по-русски, но не так хорошо, как по-английски. Представлюсь. Меня зовут Чжан Цзучан, я выходец из Шаньдуня. Четыре года назад в восемнадцать лет в Маньчжурии вступил в отряд хунхузлов, которым командовал мой названный брат Чжан Цзолинь. По его приказу перебрался во Владивосток. В одна тысяча девятисотом году при городском полицейском управлении была сформирована китайская полиция из лиц,

выбранных для этой цели самими китайскими купцами. Я сначала работал сыщиком в этой полиции, а потом возглавил данное формирование, одновременно следя за порядком в публичных домах, опиокурильнях и игорных притонах, – Чжан хитро улыбнулся. – За это время заработал определенный авторитет, даже несколько раз был отмечен благодарностью полицмейстера Владивостока полковника Андреева.

Китаец, сходяв к буфету, вернулся с графином и двумя чашами. Налив в них какой-то напиток темно-бордового цвета, подвинул по столу одну из них мне, а сам с наслаждением начал пить из своей чаши.

– Попробуйте, господин полковник, вам понравится. Это освежающий и успокаивающий напиток из чернослива, – поставив чашу на стол, произнес Чжан.

Я, несмотря на то что пить хотел ужасно, к чаше не притронулся, а продолжил молча смотреть собеседнику в глаза.

– Не доверяете мне? Это правильно. Доверять нельзя никому, даже себе. Дольше проживете, – китаец повернулся кругом, сходил к другому шкафу и вернулся, держа в руках пару футляров, которые положил передо мной.

Взяв тот, что больше, в руки, я с удивлением увидел на нем печать дзянь-дзюня провинции Цзилинь Чан Шуня.

– Во втором футляре письмо от вашей сестры, – невозмутимо произнес Чжан Цзучан. – Их привезли люди моего названного брата с просьбой передать их вам, а также обеспечить вашу безопасность.

– И каким образом они оказались в руках командира отряда хунхузов? – задал я вопрос, удивленный сложившейся ситуацией.

– Чжан Цзолинь уже год как командует большим кавалерийским отрядом в Бэйянской армии. На словах он передал, что футляр с документами необходимо срочно передать российскому императору. А также два слова: «Армия недовольна».

«Вот это дела! Куда же Тифонтай-то влез. Пароль, что мне сказал этот Цзучан, знали только мы вдвоем. Он был на самый крайний случай, для опознания своих. Но футляр-то с печатью Шуня! Неужели Юань Шикай решился на переворот?!» – промелькнуло у меня в голове.

Мои воспоминания прервал Радиевский, который вернулся в кабинет, держа в руках глубокую тарелку какого-то варева и большой кусок хлеба.

«Молодец, не побрезговал сам принести. Ни к чему меня видеть посторонним без шляпы и косы», – подумал я, уплетая за обе щеки наваристый кулеш, в котором даже кусочки мяса попадались.

Только я закончил поздний обед или ужин, как дверь распахнулась, и в помещение буквально ворвался генерал-майор Воронеж.

– Где полковник?! Кто передал вам, ротмистр, слова «код цунами»?! – буквально с порога начал басить генерал.

– Ваше превосходительство, я здесь, – произнес, вставая

из-за стола.

Воронец недоуменно посмотрел на меня и мотнул головой, будто прогоняя морок.

– Тимофей Васильевич, что вы делаете в таком наряде? Где вы пропадали? Я уже генерал-губернатору доложил и получил от него приказ найти вас живого или мертвого!

Генерал судорожно вздохнул, а я, воспользовавшись паузой, произнес:

– Ваше превосходительство, так сложились обстоятельства. Извините! – Сунув руку в сумку, которая так и висела у меня на боку, достал футляр. – Данные документы необходимо срочно и под усиленной охраной отправить государю. Они должны попасть только в руки императора. Дело повышенной секретности.

Воронец резко выдохнул, подойдя ко мне, взял футляр и внимательно осмотрел его.

– Что в нем? – приглушив свой бас, спросил генерал.

– Не знаю, ваше превосходительство. Но мне дали понять, что документы там очень важные и только для императора.

– А чья печать?

Дзянь-дзюня провинции Цзилинь Чан Шуня. Кстати, ее видеть никто не должен, так что футляр надо скрыть. Константин Константинович, – я повернулся к ротмистру, – у вас есть пакет подходящего размера и сургуч?

Пока ротмистр упаковывал футляр, потом плавил сургуч и ставил свою печать, в кабинете стояла тишина.

– Тимофей Васильевич, может быть, расскажете, что с вами произошло? – нарушил ее генерал.

Пришлось поведать в сжатом виде о своих приключениях.

– Получается, что агент Маклер вас предал, господин полковник. Он жив? – возмущенным голосом спросил ротмистр. – Если жив, то его надо отдать под суд!

– Не судите и не судимы будете, кажется, так сказал Иисус Христос фарисеям. Коллежский секретарь Артемьев Петр Владимирович жив, но здоров относительно. А свое предательство, Константин Константинович, он совершил после того, когда ему в течение суток срезали на спине, плечах, груди небольшими лоскутами около двадцати процентов кожи, а потом начали медленно отрезать по фалангам пальцы на руках. Одну отрежут, прижгут, приведут в сознание, зададут вопрос, если он молчит, то отрежут следующую фалангу. Петр Владимирович сломался на четвертом пальце. Вот такие дела, господа! – я замолчал, вспоминая мою встречу с агентом.

Бледное, осунувшееся лицо, искусанные, покрытые коростой губы, горящие лихорадкой глаза Маклера и его прерывистый шепот: «Я им все рассказал, Тимофей Васильевич! Я не смог больше терпеть эту боль... Я предатель...»

Оказалось, что люди Чжан Цзучана, когда освобождали меня, в соседнем доме, где я видел трупы, обнаружили Артемьева и вывезли его на повозке, которая предназначалась для меня. Поэтому нам и пришлось уходить пешком по вто-

рому варианту. Этим поступком Чжан меня вогнал в очень большой долг, который вырос неизмеримо после того, как он передал мне кое-какие списки и поделился информацией.

Вырвавшись из воспоминаний, я посмотрел на генерала и ротмистра, которые – потрясенные моими словами – молча смотрели на меня.

– И где он? – нарушил молчание Воронец.

– В одном из домов Миллионки. Ему там оказали помощь, но мне нужен пенициллин Бутягина для Петра Владимировича. Он есть в местном госпитале? – ответил я.

– Есть, Тимофей Васильевич, – вмешался Радиевский. – Так вы поэтому хотите остаться переодетым китайцем и не афишировать, что нашлись?

Сдал меня ротмистр, сдал по полной. Комендант крепости вскинулся, как боевой конь при звуке полковой трубы.

– Что значит остаться переодетым китайцем?! Тимофей Васильевич, вы даже не понимаете, сколько седых волос в моих остатках шевелюры и бороде добавилось после вашей пропажи. И вы собираетесь вновь встрять в какую-то авантюру, – генерал начал кипеть, а его бас, казалось, начал сотрясать стекла в окнах. – Я этого не допущу, даже если придется выйти напрямую на государя. Вывезем вашего Артемьева в госпиталь, окажем всю необходимую помощь. Подключим для этого полицмейстера города и его китайских полицейских. Они справятся! А вас я больше никуда не отпущу! Мне же голову снимут, если с вами что-то случится! Вы

же буквально только что из лап смерти вырвались!

Я смотрел на бушующего генерала и думал о том, что действительно заигрался. Видимо, выбравшись из столицы и почувствовав воздух свободы, решил порезвиться без контроля сверху. А о том, какой я и мои выпускники разведчики, очень точно сказал покойный капитан японского Генерального штаба Наито Тоширо: «В Японии опыт тайной добычи информации и противодействия этому имеет многовековую историю, и не гайдзинам мериться с нами силами на этом поприще».

Не все в книгах и фильмах было правдой. А я, оказалось, как был обычным командиром группы спецназа², так им и остался.

– Вы правы, ваше высокопревосходительство, – воспользовавшись паузой в словоизлиянии коменданта крепости, сказал я, – но есть пара проблем.

– Каких? – несколько огорошенный моим согласием, спросил Воронеж.

– Перва: кроме меня никто не знает, где находится Артемьев. Вторая... Что вы можете сказать о подполковнике Андрееве и его помощнике коллежском асессоре Шкуркине?

– Что я могу сказать? Подполковник в отставке Андреев Владимир Иванович – старый служака. Несмотря на малое количество подчиненных, как может, пытается органи-

---

² Штатная структура группы спецназа включает в себя командира группы (капитан) и три отделения.

зовать порядок в крепости. Претензий к нему нет, – генерал сделал паузу, как бы собираясь с мыслями. Его помощник Шкуркин Павел Васильевич – очень ответственный товарищ. Бывший офицер, был приставом Ольгинского участка, награжден за эту службу орденом Станислава третьей степени. С началом военных действий в Китае был вновь зачислен на военную службу. Участвовал в боях за Пекин, потом был перечислен в запас. В этом году окончил Восточный институт, после чего был назначен на должность помощника полицмейстера Владивостока. Недавно в перестрелке с хунхузами в бухте Холовей на острове Попова получил ранение в руку. Разогнал коррумпированную китайскую полицию. Создал свою. А что-то случилось?

Пришлось рассказать генерал-майору полученную от Цзучана информацию, которая показала его личную заинтересованность в моем освобождении и оказании помощи. В общем, как всегда, все свелось к деньгам.

Ставленник хунхузов Чжан Цзучан, будучи старшим в китайской полиции, занимался поддержанием порядка среди азиатской диаспоры, соответственно, «крышевал» не только официальную торговлю, но и часть криминального бизнеса Владивостока, опираясь на большую группировку хунхузов, которая, несмотря на постоянную ротацию, присутствовала в городе. Разбойникам надо было где-то сбывать добытый грабежами и разбоем товар по хорошим ценам. Да и откупные составляли неплохую сумму ежемесячно.

Три месяца назад по инициативе помощника владивостокского полицмейстера Шкуркина практика назначения китайских полицейских десятниками в помощь местной полиции была изменена. Теперь они не выбирались купцами, а назначались по своему усмотрению Шкуркиным, который фактически осуществлял контроль за жизнью китайского и корейского населения города, оттерев Чжан Цзучана. Во главе китайской полиции им был поставлен китайский подданный Сун Жихио, владелец торговой фирмы «Сан Ши Юн».

Опираясь на силы Владивостокского городского полицейского управления, Павел Васильевич быстро обложил китайских купцов, содержателей банковок, опиекурилен и тайных домов терпимости поборами намного выше, чем те до этого платили Чжан Цзучану и другим представителям хунхузов.

Ранение, которое недавно получил Шкуркин, произошло во время разборок с одной из банд, крышевавшей, говоря языком девяностых в моем прошлом-будущем, один из кварталов Миллионки. Те отказались платить Павлу Васильевичу и покинули бранный мир.

И сегодня вечером коллежский асессор Шкуркин должен был получить ежемесячный платеж от своих крышуемых в размере четырех-пяти тысяч рублей.

Много это или мало? Согласно новым штатам полиции Владивостока, утвержденным в январе этого года, полицмейстер получал три тысячи рублей в год и дополнительно шестьсот рублей на разъезды. Его два помощника получа-

ли по две тысячи рублей. Нижние чины, чья численность достигла девяносто девяти человек, – по триста шестьдесят рублей. Девять толмачей с китайского, японского и корейского языков – по двести рублей.

– Боже мой, Павел Васильевич... Как он мог?! А Владимир Иванович тоже в этом участвует?! – задал вопрос потрясенный генерал Воронеж.

– По поводу подполковника Андреева у меня информации нет. Но как понимаете, коллежский асессор Шкуркин действует не один. Поэтому доверия к владивостокской полиции у меня нет. А Павла Васильевича желательно взять с поличным. Но не это главное, господа, – я задумался над тем, как довести до присутствующих остальную информацию, которая была, мягко говоря, плохой.

– Давайте, Тимофей Васильевич, добивайте, – мрачно пробасил генерал. – Вы здесь третий день, а у меня уже голова кругом идет!

– По имеющейся в Аналитическом центре информации, в Японии внешней разведкой против России занимаются три ведомства: первое отделение Генерального штаба, третий отдел Морского Генерального штаба и политическая разведка при Министерстве иностранных дел. Представители всех этих служб присутствуют во Владивостоке и работают в полном взаимодействии. Думаю, не надо что-то говорить, чтобы определить, на какую из трех структур работает Каваками Тосицунэ – японский коммерческий агент во Владивостоке,

так же как и его секретари Судзуки Еносукэ, Сасаки Сэйго, Исида Торамацу, Иванага Какудзю и Сато Кэсадзо. Еще два года назад, Константин Константинович, в ваше ведомство было направлено указание отслеживать их деятельность. Какие-нибудь успехи есть? – поинтересовался я у ротмистра.

– Нет, господин полковник. Вы же знаете, какой штат в жандармской команде. Мы даже официальный надзор за постоянно проживающими в крепости и ее районе осуществить толком не можем. А о негласной и агентурной работе с моими унтер-офицерами говорить и смысла нет. Они ей просто не обучены, – виновато ответил тот.

– Ваше превосходительство, – выслушав Радиевского, продолжил я, обратившись к генералу, – как вы понимаете, моя авантюра с переодеваниями была вызвана необходимостью незаметно встретиться с агентами. Хотя и с приключениями – информация была получена. Предположительно резидентом от первого отделения Генерального штаба во Владивостоке был Фуццо Хаттори, который организовал в городе школу японской борьбы и сеть публичных домов с гейшами, причем не только во Владивостоке, но и в Порт-Артуре, Харбине, Хабаровске и даже в Чите.

– Не может быть! – не сдержавшись от удивления, воскликнул ротмистр.

– А почему был? – задал конкретный вопрос генерал.

Неделю назад он отбыл в Японию. И, вернее всего, сюда больше не вернется. На смену ему прибыл студент-стажер

Токийской коммерческой школы с документами на имя Исидзака Дутомо.

– А вашим агентам можно доверять, Тимофей Васильевич? – тихо пробасил Дмитрий Николаевич.

– По поводу студента, думаю, можно. Господин Артемьев по описанию опознал в нем одного из своих мучителей. Вторым был владелец фотоателье «Японская фотография» на Китайской улице Наито Тоширо, по совместительству капитан японского Генерального штаба. Так он мне представился. К сожалению, покойный Наито, как и специалист по пыткам.

Генерал и ротмистр вновь уставились на меня удивленно-изумленными взглядами: когда я кратко рассказывал о своих приключениях, фамилий я не называл.

– Поэтому первоочередной задачей считаю арест Исидзака Дутомо, против которого есть показания Артемьева. И то, что они с ним сотворили, думаю, даст однозначное решение присяжных и суда, а также обыск в фотоателье. Возможно, еще не поздно, успеем и найдем там улики. Массажиста также надо брать. А вот по остальным пока проблема. Доказательств нет никаких.

– И много остальных? – поинтересовался Воронец.

Я достал из сумки несколько листов бумаги, на которых с классификацией по группам разнес информацию, полученную от Чжан Цзучана, и протянул их коменданту крепости.

Пока Дмитрий Николаевич знакомился с полученными

сведениями о японской разведке в крепости, я вспомнил наш разговор с китайским «авторитетом». Он рассказал мне, почему решился на такие действия.

Просьба названного брата, конечно, играла большую роль. Но в большей степени на выбор повлияло то, что у него в «Могиле двадцати тысяч сохранивших верность» остались родители, братья и сестры.

Когда в Люйшуне, или теперь Порт-Артуре, началась резня, Цзучан, будучи тринадцатилетним подростком, смог спрятаться от японских солдат, которые ворвались в их дом. Потом было несколько дней ужаса, когда он пытался выбраться из города. Случайно встретился с двадцатилетним Чжан Цзолинем, который, будучи сиротой, в неудачное время нашел работу в порту и также прятался. Дальше выбирались из города вместе. Оба были ранены, но смогли скрыться.

Цзолинь, пристроив названного брата в семью каких-то своих очень дальних родственников в Мукдене, в которой вырос сам, вступил в один из отрядов китайских солдат, покинувших Люйшунь и начавших партизанскую войну против японцев. По окончании войны патриотический порыв быстро угас, и вчерашние партизаны стали обычной бандой, которую Чжан Цзолинь вскоре возглавил. В общем, определенный счет к японцам у названных братьев имелся. Но вопрос, как у Цзолиня оказался пароль от Тифонтая, оставался открытым.

Между тем генерал, знакомившийся со списком предполагаемых японских шпионов, мрачнел на глазах.

– Неужели это правда, Тимофей Васильевич?! – наконец произнес Воронеж.

– Не знаю, ваше превосходительство, но очень похоже. Будем проверять. Точнее, вы будете проверять, – ответил я.

– Господи, здесь даже служанка моей жены есть. Но я думал, что она китаянка.

– Ваше превосходительство, а сколько вы ей платите?

– Десять рублей в месяц на полном коште, плюс одежда за наш счет, – озадаченно ответил генерал.

– Как мне сказали, такие агенты, как ваша служанка, получают двести иен в месяц.

– Боже мой, мне на всю агентурную работу в месяц выделяется триста рублей. А здесь служанка получает больше меня в месяц. Двести иен – это почти двести рублей, – пробормотал ротмистр.

– Да, господа, Япония на шпионскую деятельность денег не жалеет. И еще, в продолжение разговора. Господин Шкуркин неоднократно бывал в школе борьбы Фуццо Хаттори, да и его заведения с гейшами любит посещать.

В кабинете после моих слов возникла звенящая тишина, которую нарушала муха, пытавшаяся пробить своим телом оконное стекло.

– Что будем делать, Тимофей Васильевич? У вас опыта в этих шпионских играх намного больше. Слушаем вас... –

тяжело вздохнув, произнес Воронеж.

– Нужны люди, ваше превосходительство. Лучше всего из уссурийских казаков.

– У меня вернулась из экспедиции охотничья команда поручика Арсеньева. Владимир Клавдиевич набрал к себе в отряд настоящих сорвиголов. На его счету кроме топографических съемок несколько уничтоженных банд хунхузов. Лучше его команды не найдете.

Фамилия поручика меня зацепила, но почему – не понял.

– Что же, давайте подумаем, как нам провести аресты и обыски. Только сначала надо решить вопрос с отправкой футляра с документами государю, – произнес я.

– Тимофей Васильевич, документы отправим завтра в Хабаровск на поезде. Если даже сегодня задействовать фельдшерскую службу, мы ничего не выиграем по времени. Поездом будет быстрее.

– Я понял, ваше превосходительство.

– И, господин полковник, не пора ли вам привести себя в порядок. Насколько я знаю, ваша форма находится у Константина Константиновича. А я пока отдам приказ прибыть сюда поручику Арсеньеву.

Тяжело вздохнув, я поднялся из-за стола и, приняв стойку смиренно, коротко кивнул головой.

– Господин Исидзака Дутомо, как видите, следственное действие по опознанию вас, как одного из группы подданных японского императора, пытавших господина Артемьева, служащего кабинета его величества Николая Второго, прошло не в вашу пользу. Коллежский секретарь вас уверенно опознал. Поверьте, для суда присяжных его показаний будет достаточно, чтобы осудить вас к смертной казни через повешение, – произнес по-русски я и отметил, как дрогнули веки японского шпиона.

– Я являюсь подданным микадо и не подлежу вашему суду, – твердо ответил тот.

– Ошибаетесь, господин Исидзака. Изменения в законодательстве Российской империи позволяют привлечь вас к уголовному преследованию по статье «Шпионаж». Вам еще повезло, что во Владивостокской крепости не объявлено военное положение. Иначе вы бы уже болтались в петле по приговору военно-полевого суда, – веско произнес я.

– Неужели вы думаете, что я буду сотрудничать с вами? – с усмешкой произнес Дутомо.

– Ну что вы! Я так плохо об офицерах японского Генерального штаба не думаю. Вы, вернее всего, из какого-нибудь самурайского рода, для которого понятия честь и преданность являются не просто словами. Как мне сказал один

из ваших подчиненных, капитан Наито: «Вы умрете». Но, в отличие от него, я могу вам предложить умереть как офицеру, будучи расстрелянным, либо... – я замолчал, вспомнив Артемьева.

В эту ночь во Владике силами охотничьей команды Арсеньева и жандармской крепостной команды было проведено несколько операций. Задержали Шкуркина при передаче ему денег, Исидзака Дутомо, массажиста, который и не думал покидать город.

Взяли японского коммивояжера с документами на имя Иванага Какудзю, который, вернее всего, проходил по третьему отделу Морского Генерального штаба, и еще несколько лиц из списка, надеясь получить от них информацию после ареста.

Не все задержания прошли спокойно. Двое казаков из отряда Арсеньева были ранены, причем один тяжело. Особенно было обидно, что это произошло при аресте служанки коменданта крепости. Судя по всему, девушка была из самурайского рода, так называемая онна-бугэйся. Заколками в своей прическе она воспользовалась на все сто процентов.

В общем, перевезенный во владивостокский госпиталь Артемьев (благо Арсеньев очень неплохо ориентировался в Миллионке, а с Цзучаном мы обговорили вариант, что могу прийти и не я) был плох. И больше в моральном плане.

– Тимофей Васильевич, зачем все это! Я же предатель! Мне лучше умереть! Я под суд не пойду!

– Петр Владимирович, дорогой мой, о каком суде вы говорите. Выбросьте эти глупости из головы. Да, мы проиграли определенный этап в тайной войне, но поверьте, к вам никаких претензий нет. Я даже не знаю, как бы я повел себя на вашем месте. Не уверен, что выдержал бы столько же, сколько и вы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.